

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

Подумав — решайся,
решившись — не думай!

ДРАКОН И КАРП

Книга II. СТО СТРАШНЫХ ИСТОРИЙ

Чистая Земля

Генри Олди

Сто страшных историй

«Автор»

2022

Олди Г. Л.

Сто страшных историй / Г. Л. Олди — «Автор», 2022 — (Чистая Земля)

Закон будды Амиды гласит: убийца жертвует свое тело убитому, а сам спускается в ад. Торюмон Рэйден, самурай из службы Карпа-и-Дракона, расследует случаи насильственных смертей и чудесных воскрешений. Но люди, чья душа горит в огне страстей, порой утрачивают облик людей. Мертвые докучают живым, в горной глуши скрываются опасные существа, а на острове Девяти Смертей происходят события, требующие внимания всемогущей инспекции тайного надзора. Никого нельзя убивать. Но может, кого-то все-таки можно? Вторую книгу романа «Дракон и карп» составили «Повесть о голодном сыне и сытой матери», «Повесть о несчастном отшельнике и живом мертвеце» и «Повесть о потерянной голове».

© Олди Г. Л., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Повесть о голодном сыне и сытой матери	5
Глава первая	5
1	5
2	7
3	9
Глава вторая	13
1	13
2	16
3	18
4	20
Глава третья	22
1	22
2	24
3	26
Глава четвертая	30
1	30
2	32
3	34
Глава пятая	38
1	38
2	40
3	42
4	44
Глава шестая	49
1	49
2	52
3	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Генри Лайон Олди

Сто страшных историй

Если рожденным в моей стране, после обретения мною состояния Будды, доведется услышать хотя бы самое имя зла, пусть я не достигну наивысшего Просветления.

Изначальная молитва Будды Амиды

Повесть о голодном сыне и сытой матери

Сказал Будда Шакьямуни:

«Не думай легкомысленно о зле: «Оно не придет ко мне». Ведь и кувшин наполняется от падения капель. Глупый наполняется злом, даже понемногу накапливая его.»

И еще сказал Будда:

«Если рука не ранена, можно нести яд в руке. Яд не повредит не имеющему ран. Кто сам не делает зла, не подвержен злу.»

И еще:

«Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в нее проникнуть, не найдется такого места на земле, где бы живущий избавился от последствий злых дел.»

«Записки на облаках»

Содзю Иссэн из храма Вакаикуса

Глава первая

Что это еще за капризы?

1

Найду и съем

Молодая луна сияла обоюдоострой улыбкой.

Сияла? – скалилась.

В улыбке крылось целое богатство смыслов: угроза, тайна, предвкушение. Так могла бы улыбаться, выглядывая из мрака, вечно юная красотка-кицунэ¹, карауля незадачливого любовника, чтобы низвергнуть его в пучину губительной страсти. Ночь призраков и влюбленных, злоумышленников и демонов набросила на Акаяму покрывало из черной парчи. Острые ножи лунного света наискось вспарывали ткань, превращая улицы в серебристые разрезы с угольной кромкой.

Впрочем, здесь, на северной окраине города, дома торчали как попало, россыпью кривых зубов во рту забулдыги, а улицы с переулками представляли собой такую невообразимую мешанину, что в ней путался даже лунный свет. Прямые линии? Ровные ряды зданий, как предписано уложениями по градостроительству? Ночь и луна превратили квартал в хаотичное нагромождение светлых пятен и темных провалов, отчего с высоты окраина походила на дельту реки, текущей жидкой тушью, с множеством бумажных островков.

¹ Кицунэ – лиса-оборотень.

Квартал спал, погружен в тишину, как в стоячую воду. Если демоны или воры и вершили свои тайные дела, то происходило это в другом месте. Лишь колокол в отдалении пробил Час Быка², да чей-то пес встрепенулся спросонья во дворе. Залаял, взрыкивая и подвывая:

«Сторрррожу-у-у! Только суньтесь! Всех порррррву-у-у!»

Соседские псы не остались в долгу. Понеслась по кварталу лихая перекличка:

«Не спим! Бдим! И я тоже! И я!»

Привыкшие к собачьему гвалту хозяева всхрапывали и ворочались во сне. Из одного жилища грянула брань, из другого – обещание выбить дурь из глупой псины. Исполнить угрозы никто не спешил. Лай улегся, сошел на нет – так разглаживается поверхность пруда, растревоженная случайным порывом ветра. Лишь где-то с упрямством, достойным лучшего применения, продолжал бубнить недовольный голос:

– Куда? Куда спрятал?

Тишина, вновь затопившая квартал, подступила к стенам дома, из которого неслись вопросы. Пожелала влиться, воцариться; не смогла. Казалось, сам дом сопротивлялся ей: кряхтел, постанывал. Под полом скреблась мышь, с крыши сыпался мелкий сор – и вторило уютным житейским звукам хриплое ворчание:

– Куда спрятал, а? Найду! Все равно найду...

Голос прервался. Послышался хруст, и следом – довольное чавканье. Довольное? Ну, не очень-то. В чавканье, как перед тем в ворчании, занозой пряталось, зудело и кололось раздражение, готовое перерасти в глухую злобу.

Жалобно застонал пол под тяжелыми шагами. Кто-то бродил по дому, нимало не заботясь о производимом шуме. Любопытная луна сунулась в окно, к счастью, не завешенное шторами из бамбуковых планок. По комнате, спотыкаясь, ходил человек: вздыхал, жевал, плямкал губами. Сунулся в дальний угол, растворился во тьме. Возник опять: черно-белая мозаика из теней и бликов. У любого зарябило бы в глазах, а там, глядишь, возникли бы скверные подозрения: да человек ли это?

Беспокойное существо замерло посреди комнаты, купаясь в потоках света, льющегося из окна. Сложилась единая картина: грубоватые черты лица, распатланные волосы, складки мятой одежды. Пальцы рук беспрестанно шевелятся, босые ступни переступают на месте, будто мерзнут...

Человек, точно. У призраков, как известно, нет ног.

Тень, которую человек отбрасывал на стену, горбилась, несмотря на то, что хозяин тени стоял прямо. Глянешь на него: мужчина за тридцать. Глянешь на тень: старик? старуха?

Не разобрать.

Может, это луна шутки шутит? Ишь, как ухмыляется!

Человек убрел в другой угол, зашуршал там, судя по звуку, промасленной бумагой. Забормотал:

– Спрятал. Куда спрятал? Найду!

С голосом человек тоже был не в ладах, как и с тенью. В нем мешались сомнение и упрямство, угроза и жалоба, отчаяние и надежда.

– Найду и съем!

Он раз за разом обшаривал комнату, что-то действительно находил, отправлял в рот. Хрустел, жевал, чавкал. Скрипел половицами.

– Съем! Все съем...

В соседней каморке, прижавшись друг к другу, тише мыши лежали двое: еще не старая женщина и мальчик лет пяти. Кажется, они даже дышать боялись. Кутались в ветхое покрыв-

² Час Быка – с 2 часов ночи до 4 часов утра.

вало, словно желая укрыться от холода. Да ну, какой там холод, лето на пороге! Главное, отгородиться, завернуться с головой, не видеть, не слышать. Тогда и оно, от чего ты прячешься, не увидит тебя, не услышит, не найдет.

Над Акаемой царила благословенная теплынь. Но женщину с мальчиком бил неудержимый озноб.

2

Телега с горшками

Неладное я заподозрил еще у ворот управы. А кто бы не заподозрил, если ворота были заперты? Да, заперты на засов, среди бела дня. Стража смотрела на меня так, словно впервые видела. Нет, хуже: стража смотрела на меня, как если бы я явился доложить о фуккацу и тянул с объявлением.

– Кто такой? – грозно спросил старшина караула.

– Торюмон Рэйден.

Будто он не знает, кто я такой! Уже и не помню, когда меня здесь останавливали для формальных вопросов. А сейчас гляди-ка! – усы топорщит, брови хмурит. Вот-вот плетью огреет!

– По какому делу?

– По служебному.

Кажется, я ответил грубее, чем следовало, потому что взор старшины полыхнул огнем.

– Должность? – гаркнул он.

– Дознаватель.

Старшина в сомнении пожевал губами. Признать во мне дознавателя? Торюмона Рэйдена?! Все существо бдительного стража противилось этому. Даже одежда со служебными гербами его не убеждала. Мало ли откуда можно взять такую одежду? Украсть, например. Встретить настоящего дознавателя в темном переулке, оглушить, раздеть...

– Ну ладно, – вдруг сменил он гнев на милость. – Там разберутся.

– Кто разберется?

– Кому надо, тот и разберется. Открыть ворота!

Стражники убрали засов, потянули створки в разные стороны. Петли заскрипели, взвизгнули. Я тоже чуть не завизжал раненым подсвинком, окончательно позоря себя в глазах ухмыляющейся стражи. Двор управы, открывшийся моим глазам, был полон народу. С утра двор вымели чисто-чисто, как перед явлением знатной особы – и все дознаватели, сколько ни есть, выстроились двумя рядами, открывая мне проход к крыльцу.

Колени подогнулись, я чуть не упал.

На крыльце стоял господин Сэки, одетый в церемониальный наряд. Даже чиновничью шапку не забыл, хоть я и знал, что он ненавидит этот головной убор. Я представил, что он надел шапку ради меня, и покрылся холодным потом. Затем я представил, что все самураи нашей службы, включая архивариуса Фудо и секретаря Окаду, собрались здесь из-за меня, и по моей несчастной спине побежали колючие мурашки. Затем я представил...

– Торюмон Рэйден! – возгласил Сэки Осаму. – Приблизьтесь!

Я приблизился. А что мне оставалось? Я шел зажмурившись – и все равно видел, чуял, ни на миг не сомневался, что дознаватели, мимо которых я проходил, глядят на беднягу Рэйдена с нескрываемым сочувствием.

– Остановитесь!

Ну, остановился. Открыл глаза. До крыльца оставалось шагов пять, не больше. Господин Сэки пожевал губами, размышляя, что приказать теперь, и не приказал ничего. Вместо этого он сам спустился с крыльца, встав напротив меня. В руках он держал что-то, похожее на аккуратно

сложенную одежду. Одежда или нет, сверху она была накрыта белым полотном, не позволяя выяснить в точности, что там.

Полотно. Белое.

Такое расстилают на земле, когда кто-то решает вспороть себе живот. Сам решает или ему приказывают это сделать – какая разница? Белое полотно, белые одеяния, нож. Собрание сослуживцев. Великий Будда, что я натворил?

Лихорадочно я принялся вспоминать свои прегрешения. За время службы их накопилось с лихвой, но ничто не тянуло на приказ совершить сэппуку. Дело о двух клинках? Историю с семьей господина Цугавы замяли, не желая выносить ее на всеобщее обозрение, но я вроде бы справился с делом? Меня даже хвалили...

Спросить? Повиниться, не зная, в чем моя вина? Пасть ниц, умолять о прощении?! Нет, это значит окончательно потерять лицо. Лучше уйти с честью: авось следующее рождение окажется удачней. Всем сердцем я мечтал о том, чтобы происходящее обернулось театром: невзправду, понарошку, скоро занавес... Вот уж точно – скоро занавес! Когда не надо, театр тут как тут, а когда требуется позарез – проси, не проси, хоти, не хоти, а жизнь идет своим чередом и поплеывает на твои мольбы.

Жизнь. Идет. Проходит.

– Фудо-сан! – позвал Сэки Осаму. – Будьте любезны!

Архивариус вышел из рядов. Лицо Фудо было воплощением скорби. Медленным шагом он приблизился к старшему дознавателю, отвесил поклон и сдернул полотно с ноши господина Сэки.

Одежда? Да, одежда. Белая?

Нет, синяя!

И гербы знакомые, нашей службы. Только на гербах, украшающих кимоно, в которое я облачен, карп с драконом двигаются в одну сторону, а на том кимоно, что в руках начальства – в другую. Если надеть, пожалуй, никто и не обратит внимания. Горожане точно не обратят: мало ли кто куда плывет, кто куда летит? Карп и дракон, дракон и карп – в чем разница-то?

– Рэйден-сан! – у голоса старшего дознавателя выросли пальцы. Взяли меня за шкуру, встряхнули, прервали лихорадочные размышления. – О чем это, позвольте спросить, вы задумались, когда я с вами разговариваю? О чашке горячего саке?

Я втянул голову в плечи. Покончить с собой можно и в синей одежде.

– Слушайте, – продолжил господин Сэки знакомым, хвала небесам, брюзгливым тоном, – и не говорите, что не слышали. Сегодня закончился ваш испытательный срок...

Меня что, испытывали? Когда, как?!

– Три дела, порученные вам, как возможному, – слово «возможному» старший дознаватель выделил так, что я почувствовал себя полным и окончательным ничтожеством, – преемнику покойного господина Абэ, завершены. Вы справились с ними превыше всяких похвал. Не задирайте нос, это официальная формулировка. Я бы сказал иначе: вы справились кое-как, но святой Иссэн уверяет, что из вас еще выйдет толк.

Я огляделся. Настоятеля во дворе не было.

– Не слишком вы великая персона, – Сэки Осаму понял меня правильно, – чтобы ради вас старый уважаемый человек бил ноги, спускаясь с горы. Со святым Иссэном я переговорил заранее, поднявшись к храму.

«Слышали? – звучало в словах начальства. – Я, тоже человек немолодой, бил ноги, поднимаясь в гору. Ради вас, между прочим! А даже если я бил не свои, а лошадиные ноги, так лошадь казенная, из служебной конюшни. Цените, пока живы...»

– Итак, повторяю: испытательный срок закончен. От лица службы вручаю вам эти одежды. Примите их как подарок и знак того, что отныне вы – полноценная замена господину Абэ, по которому мы скорбим днем и ночью.

Общий вздох колыхнул ряды дознавателей: да, скорбим. Все глаза выплакали! Я ждал, что меня начнут уверять – мол, по вам, Рэйдэн-сан, мы будем скорбеть не меньше, а то и больше! – но сослуживцы молчали.

– Берегите эту одежду, – уведомило меня начальство, передавая наряд из рук в руки. – Носите бережно, штопайте, латайте. Если снесите, подарков больше не ждите. Сами знаете, средства службы оставляют желать лучшего.

– Да, Сэки-сан!

– Второй раз гербы будете нашивать на то кимоно, которое купите за свой счет. Если хотите запастись гербами, деньги за них отдайте секретарю Окаде, он займется. Вы меня поняли?

– Да, Сэки-сан!

– Вы принесли sake?

– Нет, Сэки-сан! Я не знал...

– Позор, Рэйдэн-сан! Где же ваш хваленый нюх? Я ждал, что за вами в управу приедет целая телега с горшками, доверху полными sake. И вот, такая досада... Фудо-сан?

– Да, Сэки-сан! – откликнулся архивариус.

– Займитесь, прошу вас. Если уж господин Рэйдэн полностью лишен чутья...

Архивариус хлопнул в ладоши. Левый ряд дознавателей словно только и ждал – расступился. За ними у стены стояла телега с запечатанными горшками и грудой чашек.

Ну, тележка.

3

«Берите, что дают!»

– Да, Рэйдэн-сан. Совсем забыл сказать...

– Слушаю, Сэки-сан.

Мы уже хорошенько выпили. Хорошенько – это значит, хлебнули лишнего. Я так точно перебрал. Плечи болели от дружеских похлопываний, от здравиц стучало в висках. Двор слегка покачивался, будто я плыл в лодке. Хорошо еще, голова соображала как обычно.

Отец говорит: если тебе после выпивки кажется, что голова соображает не хуже трезвого, значит, ты пьян. Должно быть, он прав. Два раза прав: и как отец, и как бабушка.

– Вы обзавелись новой одеждой, Рэйдэн-сан. Теперь вам следует обзавестись новым слугой. У каждого дознавателя должен быть слуга, помните? Я не докучал вам этим требованием, пока вы числились на испытательном сроке. Но теперь...

– Да, Сэки-сан! – невпопад брякнул я.

Новый слуга? После Мигеру? Если бы я мог, я бы отказался. Ну да, всякий дознаватель должен и так далее, вплоть до того, что моего согласия никто не спрашивает. Вначале, еще только заменив господина Абэ в делах с мстительными духами, я что ни день беспокоился – ждал, что меня вот-вот поведут выбирать слугу. Потом забыл, замотался, выбросил из головы.

Напомнили.

– Готов к выбору, – мрачно буркнул я. – Хоть сейчас.

И двор качнулся так, что я едва не упал.

– К выбору? – удивилось начальство. – С чего вы взяли, что вам предоставят выбор?

– Ну как же? Все выбирают...

– Вы теперь не все. Господин Абэ не выбирал, слугу к нему приставили отдельным распоряжением главного департамента службы в Киото. К вам тоже приставят, уже приставили, не волнуйтесь.

– Из самого Киото?!

– Нам Киото ни к чему, сами разобрались.

Ага, не волнуйтесь! Мало ли кого мне сейчас всучат! Так хоть иллюзия была: свободный выбор, судьба, удача... Ну да, помню: весь мир – иллюзия.

Сэки Осаму отвел меня к воротам, подальше от шумной толпы сослуживцев, приканчивающих остатки саке. Чиновничью шапку он снял, нес в руках. Если бы я мог поверить в чудеса, я бы сказал, что господину Сэки неловко. Какие только глупости не лезут в голову под хмельком!

– Вот, – сказал господин Сэки. – Ваш новый слуга.

Новый слуга подпирал забор у ворот. Похоже, он торчал тут давно, если не с самого начала, и я подивился тому, что при входе не обратил на него внимания. Слуга был выше всех, кого я знал. Уж на что архивариус Фудо не из коротышек, а надень на архивариуса шапку господина Сэки – и верх шапки едва ли сравняется с макушкой этого верзилы! Чтобы смотреть на такого, надо голову задирать...

Задирать не хотелось (еще упаду!), и я начал осмотр с обуви. Обычные *гэти* на деревянной подошве. Крепкие, в таких ходить и ходить. Белые носки; нет, правда, белые. Ни пятнышка грязи. Аккуратен, чистоплотен, следит за собой; это хорошо. Штаны широкие, цвета сухой глины. Кимоно из той же ткани: дешевой, но плотной, добротной. Пояс завязан простым узлом. За поясом веер из черной бумаги. Деревянная рукоять покрыта лаком. Лак нигде не облупился – ну да, аккуратен, я уже отмечал.

На широких плечах – дорожная накидка. Холщовая сумка за спиной. И над всем этим – лупатая маска карпа. А чего я ждал? Все безликие на службе у Карпа-и-Дракона носят такие маски. Мигеру, к примеру, носил. А вот чего Мигеру не носил, так это соломенной шляпы поверх рыбьей головы.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Широно, – откликнулся слуга нутряным басом.

Казалось, он бубнит в пустую бочку. У меня аж в животе заурчало от его голоса. А потом заурчало в голове, когда он добавил:

– Барудзирёку Широно.

Фамилия, отметил я. Не только имя, но и фамилия. В сочетании с ростом, осанкой и опрятностью, а главное, с веером, который приличествовал слуге как рыбе зонтик, все сложилось в единую картину. Странно, что я не понял этого раньше.

– Самурай?

– Ронин, – буркнул Широно.

Глазки карпа взирали на меня с высоты, будто на юркого малька.

– Самурай без хозяина? Можешь радоваться, теперь у тебя есть хозяин. Впрочем, ты больше не самурай. Ты давно уже не самурай, правда? Любой, кто пойдет на корыстное фуккацу, нарушив закон будды Амиды, теряет не только лицо, но и сословие. Даже трупोजоги и уборщики выше такого человека.

Я знал, что веду себя оскорбительно. Другой каонай на месте Широно снес бы мои слова с глухой бездумной покорностью, понимая, кто он есть на самом деле, но в этом верзиле крылось слишком много гордости для безликого. Я вдвойне оскорблял его, ставя на место в присутствии Сэки Осаму, во дворе, полном хмельных дознавателей. Это было необходимо, мне до зарезу требовалось, что называется, с порога объяснить Широно, кто он, кто я...

Чепуха. Ничего такого не требовалось. Гром и молния! Я мстил ему за то, что он не Мигеру, что Мигеру больше нет рядом со мной. Меньше всего в этом был виноват Барудзироку Широно, но боль требовала выхода. Есть ли лучшее лекарство против своей боли, нежели боль, причиненная кому-то другому?

Мне было стыдно. Мне было больно. Издевки в адрес Широно помогали, как мертвому припарки. Хорошо еще, старший дознаватель не вмешивался. Смотрел, слушал, молчал.

– Привыкай служить, – следовало остановиться, но я не мог. – Привыкай, иначе тебе будет трудно со мной.

– Не будет, господин, – прогудел Широно.

Ага, вот я уже и господин. Верзила понял, к чему я клоню.

– Почему? Ты считаешь меня слабым? Мягкосердечным?

– Я уже был слугой, господин. Пять лет, день в день.

– Ты был слугой?

Он кивнул. Маска карпа качнулась с потешной величавостью.

– Ты ведь сам назвал себя ронином, откуда у тебя господин?!

Он пожал плечами:

– Я стал слугой по распоряжению главы службы Дракона-и-Карпа.

Он так и сказал: Дракона-и-Карпа.

Ты понимаешь, кто я, да, Широно? И мое дареное кимоно с новыми гербами тебе не требуется – ты все знаешь без гербов? Наверное, то, что заменяет тебе лицо, сейчас кривится в ухмылке, надежно укрытое под рыбьей личиной.

– Кому ты служил до меня? – спросил я, уже зная ответ.

– Дознавателю Абэ, господин. Вашему предшественнику.

– Все пять лет?

– Да, господин.

– И за эти годы он не сумел привести тебя к твоей заветной цели?

– Нет, господин.

Мог бы и не спрашивать. Достигни Широно цели, ради которой безликие идут на службу к дознавателям, и я бы лишился возможности разговаривать с ним в мире живых. Это все sake, туманит разум. Болтаю невесть что.

– Ты грамотен?

– Да, господин.

Проклятое sake! Конечно, он грамотен. Пять лет службы у дознавателя...

– Возьми мою одежду.

– Ту, что на вас, господин?

Издавается? Мстит за мою насмешку? Или туповат по жизни?!

– Ту, что мне подарили. Она лежит на перилах крыльца. Отнеси ко мне домой. Я расскажу, куда идти.

– Мне известно, где вы живете, господин.

– Откуда?

– Я сказал, – вмешался Сэки Осаму. – На случай, если вы останетесь здесь, а его отошлете.

И тогда я совершил самый дерзкий поступок в своей жизни.

– Я могу отказаться? – спросил я у начальства. – Отказаться от этого слуги?

Я ждал гнева, ярости, угроз. Вместо них я услышал грустный вздох.

– Нет, Рэйдэн-сан, не можете. Это не ваш выбор, это мое решение. Я его не отменю. И потом, что бы дал вам отказ? Ваше сердце не примет никого, потому что вы помните, как ушел из жизни ваш предыдущий слуга. Заменить человека другим человеком нельзя, если в деле участвует сердце. И что же? Вы станете отказываться от одного слуги за другим? Выискивать причины, доводы? Если даже дать вам право выбора, вы не сумеете выбрать. В конце концов вы ткнете пальцем наугад, а потом будете все время мучиться из-за этой нелепой случайности.

– Откуда вы знаете?

– Я старший дознаватель, – господин Сэки вздохнул еще раз. – Это значит, что я долго был просто дознавателем. Я сменил достаточно слуг, чтобы приобрести необходимый опыт. Я

видел, как меняют слуг мои сослуживцы, это тоже сыграло свою роль. Вас ждет та же судьба, не сомневайтесь. И потом...

Я отступил на шаг, когда начальство стало прежним.

– И потом, что это еще за капризы? Берите, что дают, и благодарите!

– Спасибо, Сэки-сан!

– Не слышу!

– Премного благодарен, Сэки-сан!

– Уже лучше. Считайте, что Широно достался вам от покойного дознавателя Абэ в наследство. Наследство – это хорошо, поняли?

– Да, Сэки-сан! Наследство – это хорошо!

Что еще я унаследую? Жену дознавателя Абэ? Детей? Имущество? Имя?! Я уже представлял, как после смерти меня кладут в могилу к дознавателю Абэ, дабы мы окончательно воссоединились, но печальную картину разрушил истошный вопль за воротами:

– Фуккацу! Я хочу доложить о фуккацу!

– Это к вам, Рэйдэн-сан, – заметил Сэки Осаму, поворачиваясь, чтобы идти.

– Ко мне?!

– К кому же еще? Вы тут самый трезвый. Секретарь Окада примет заявление, а потом направит заявителя к вам в кабинет. Уверен, это дело не окажется слишком утомительным. Что-то подсказывает мне, что оно вряд ли пойдет по ведомству Дракона-и-Карпа. Обычное фуккацу, каких двенадцать на дюжину...

– Но я...

– А вы что себе думали? Три особых дела в год, а все остальное время сиди-прохлаждайся?! И не надейтесь! Живо приступайте к выполнению своих обязанностей!

– Слушаюсь, Сэки-сан!

Не дожидаясь, пока стражники откроют ворота, я рысцой припустил к управе. Обернулся, махнул Широно рукой: «Задержись! Прихвати одежду и следуй за мной!»

Верзила все понял в лучшем виде.

Глава вторая Пустые формальности

1

«Хватит нести околесицу!»

- Ваше имя?
- Котонэ. Котонэ с Малого спуска.
- Я вижу перед собой мужчину, но вы представляетесь женским именем. Почему?
- Потому что я женщина! Мать этого мерзавца...
- Тщедушный человечек тычет сухонькой лапкой себе в грудь:
- Видали? Убийца! Скажите, у вас нет еды?
- Еды?
- Хоть чего-нибудь, а? Горстку риса? Дюжину черных ос?
- Черные осы? Что за ерунда?!
- Вы никогда не ели черных ос? Жареных шершней? О, как они похрустывают на зубах...
- И добавляет свистящим шепотом:
- Умираю от голода...

Я прихватил из дома пару рисовых колобков, завернутых в бамбуковые листья. Во время попойки все думал достать их из рукава, закусить, да как-то не собрался. Неловко есть в компании, когда остальные пьют без закуски. Если же разделить колобки между сослуживцами, выйдет по три рисинки на брата. Только брюхо дразнить! И наконец...

Короче, вот они, колобки.

– Берите. Э, куда вы хватаете! Один берите, второй мне.

Он глядит на второй колобок, не моргая. Глаза блестят от слез. Так тонуший смотрит на доску, проплывающую мимо, вне досягаемости рук несчастного. И что вы думаете? Я сжался? Решил остаться голодным в пользу бедолаги? Вы правильно думаете. Я прибираю второй колобок, откладываю в сторону, накрываю листьями. Сурово хмурю брови: нечего, мол, руки тянуть!

– Вы сказали: убийца. Это ваш сын убийца?

– Кто же еще? Он, гадина...

С набитым ртом он (она?) говорит на удивление разборчиво. Ну да, заявитель и в кабинет ко мне явился с набитым ртом. Что бы там у него ни было – прожевал, проглотил, запросил новой еды. Харчевня ему тут, что ли?!

– Имя вашего сына?

– Мэмору.

– Имя вашего мужа? Отца Мэмору?

– А на что вам его имя? Он и помер-то давно. Животом маялся, кряхтел да и помер...

– Имя вашего мужа! Отвечайте!

– Коширо, разносчик *тофу*³. Этот, – лапка снова тычется в грудь, – сынок мой, гори он в аду, тоже разносчик. Вся семья наша тофу промышляет... Да вы кого хочешь в квартале спросите! Наш творог самолучший...

Как он разносчиком-то трудится, а? Такой плюгавый? Видал я разносчиков – на плечах шест, на шесте корзины по три штуки с каждой стороны, в корзинах товара горой... Доска

³ Тофу – соевый творог.

для нарезки, нож, кипа промасленной бумаги. С другой стороны, среди тех, кого я видал, тоже богатырей не наблюдалось. А таскали – любо-дорого поглядеть! Сенсей Ясухино говорит, сила не в мышцах, а в сухожилиях. Ну, не знаю, может, и так...

– Оставим творог в покое. Вы заявляете о фуккацу и обвиняете вашего сына в убийстве. Я все правильно понял?

– Куда уж правильной! Я старая мать этого негодяя, зовут меня Котонэ. Он меня давно уморить хотел. И никчемная я, и лишний рот в семье... Вот, добился своего, выползень.

Разносчик перхает дробным старушечьим смешком:

– И не думал, небось, что так выйдет. Не думал, а? Вот теперь я в твоём теле, сукин ты сын! Ладно, не сукин, нечего на себя напраслину возводить... В твоём я теле, змей подколотый! О чем сообщаю властям по всем правилам.

Случайность, отмечаю я, не спеша выяснить, каким способом разносчик Мэморю прикончил свою злоязычную матушку. Разносчик ты или князь, только никто в здравом уме не решится на убийство, памятуя о законе будды Амида. Значит, убил непредумышленно. Успею выяснить, не к спеху.

«Уверен, – сказал мне господин Сэки, – это дело не окажется слишком утомительным. Обычное фуккацу...» Похоже, вы правы, Сэки-сан. И знаете, строго между нами: я хорошо понимаю этого разносчика тофу. Я знаком с его мамашей всего-ничего, но мне уже самому хочется ее удавить.

– Соседи подтвердят, что вы – это вы?

– Соседи? А чего ж им не подтвердить? Я про них все помню, все до последней гадости! Как начну говорить – не остановят. Пусть только попробуют отрицать, я им все выложу, каждый грешок на ладошку...

Она (он?) тарахтит без устали, оправдывая имя⁴. Я не слушаю. Ладно, пусть будет он – к чему все время дергаться, путать женское и мужское? После выдачи грамоты о фуккацу старая Котонэ с Малого спуска окончательно превратится в Мэморю. Мать станет сыном, обретет все необходимые права на дом, имущество, жену Мэморю, наконец, если разносчик женат. Мне неприятно думать про это – очень уж история напоминает мою собственную, когда после похорон бабушки мой отец стал сперва бабушкой, а затем, согласно грамоте, вновь отцом, мужем моей матери.

Моя любимая бабушка и эта вредная старуха? Ничего общего!

Дознание превращается в пустую формальность. Если бы не ядовитая заноза в сердце – вообще чепуха.

Желая отвлечься от дурных мыслей, я поворачиваюсь к Широно. Новый слуга устроился в углу моего крошечного кабинетика, на полу, подстелив жесткую циновку. Придвинул к себе низенький столик, разложил письменные принадлежности, стопку листов бумаги и усердно работает кистью: записывает мою беседу с перерожденкой. Тушечницу с уже разведенной тушью он притащил от секретаря Окады, решив не тратить время на приготовление туши самостоятельно. Смотри-ка! Не к писцам побежал, к секретарю. Чудо из чудес! Раньше я ни на миг не усомнился бы, что наш секретарь скорее даст отрубить себе правую руку, нежели поделится с кем-нибудь своей драгоценной тушью. Похоже, Барудзироку Широно (*фамилия! у каонай! с ума сойти...*) пользуется в управе определенным уважением.

Для безликого – немыслимое дело!

Ну да, пять лет при дознавателе Абэ. Будем честными, у Широно служебного опыта побольше моего. Если же учесть, какими делами занимался господин Абэ – и какими теперь занимается Торюмон Рэйден, весь такой красивый, с новой, купленной за казенный счет одеждой – опыт Широно мне очень даже пригодится. Главное, не вспоминать Мигеру, не сравни-

⁴ Котонэ – «звуки кото», музыкального струнного инструмента.

вать его с Мигеру, не хотеть со всей силой безнадежной, мучительной страсти, чтобы он превратился в Мигеру...

Я знаю, что бывает, когда человека охватывает страсть, способная вытеснить все остальные чувства. Полагаю, Широно, ты тоже это знаешь. Как ты и уместился-то за этим столиком? С твоим ростом, телосложением? Записи можно не проверять – вряд ли я найду там хоть что-то, к чему можно прицепиться, попенять тебе за нерадивость, скверный почерк или отсутствие должного усердия. Я постараюсь к тебе привыкнуть, Барудзироку Широно. Очень постараюсь.

Но извини, обещать не могу. Вот и сейчас: вспомнил, как Мигеру скрипел гусиным пером, выводя заморские каракули, и сердце защемило. Чему там должно быть подобно сердце самурая? Сухому дереву? Стылому пеплу?

Плохой из меня самурай.

– ...делаете из тонких ломтиков тофу мешочки, обжариваете в масле. Будьте осторожны, они крошатся. Вáрите мешочки в разбавленном соевом соусе и сладком рисовом вине. День храните в доме, три дня на холоде. Пусть впитают аромат...

– Мешочки?

Заявитель что-то бормочет. Масло, рисовое вино. Я не слушаю. Или слушаю? Хочется есть, очень хочется есть. Живот прилип к спине, кричит: наполни! Не глядя, я хватаю оставленный про запас колобок. Бамбуковый лист летит на пол, но мне не до того. Отламываю сразу половину колобка, запикиваю в рот. Жую, глотаю, рискуя подавиться. Давлюсь, кашляю.

Это, наверное, после sake. Выпил лишнего, на еду потянуло.

Надо поделиться с Широно. Ох, как трудно себя заставить! Колобок – ничтожная порция. Тут и одному мало! Зря я отдал Мэмору второй. Преодолевая желание проглотить весь остаток целиком, я отламываю от него совсем немножко, чтобы обмануть самого себя, сую в рот, а остальное протягиваю слуге. Он берет свободной рукой, благодарит. Я его не слышу. Что же я слышу?

– ...вáрите мешочки во второй раз. Затем варите рис, – мелкий старушечий шепоток лезет в уши, тычется цепким кулачком. – Приправляете уксусом, солью и лекарством от болезни легких⁵. Можете добавить моркови...

Как же хочется есть!

– ...имбиря, маринованного в сливовом уксусе, и вареного корня лотоса. Набиваете рисом мешочки, посвящаете их божественной лисе Инари...

– Мне записывать рецепт, господин?

Гулкий бас Широно раскатом грома встряхивает кабинет. Вышибает чужие кулачки из ушей, заставляет тело содрогнуться. В низу живота откликается эхо, растворяет в себе чувство голода. Да что я, в самом деле?

– Какой еще рецепт? Ничего не записывай, здесь не поварская. Мэмору с Малого спуска, или Котонэ, если угодно – хватит нести околесицу! Все, что требуется, я услышал. Все, что необходимо, записал мой слуга. Сейчас мы отправимся в твоё жилище для дальнейшего дознания. Ты меня понял?

– Поняла я, как не понять, – разносчик втягивает голову в плечи. – Чего тут понимать? Вы только не деритесь, я вас боюсь. У вас третьего колобка нет, а? Хоть крошку бы...

Ну да, Мэмору, ты все еще считаешь себя женщиной. К такому долго привыкаешь.

⁵ Сахар в Японию завозили китайцы и европейцы. После блокады Чистой Земли сахар в ограниченных количествах производился местными жителями, но считался не столько продуктом питания, сколько лекарством от легочных болезней.

2

Цветы дня расцветают

- Мне тебя до праздника Обон⁶ ждать?!
- Уже иду!
- Шевелись!
- Бегу, спешу! Вот только пирожок куплю...

Мы останавливались в который раз. Мэмору не мог пропустить ни одного уличного торговца. Прикончив пирожок, он, яростно торгуясь, купил брусок твердого «хлопкового» тофу, какой добавляют в тушеные овощи, и стал пожирать его прямо на ходу. Чавкал, давился, с жадностью глотал – и при этом умудрялся бурчать: кисловат, мол, и кусок мелковат, и где этот прохвост видел такие цены?!

Смотреть на чавкающего перерожденца было неприятно. Я старательно глазел по сторонам, пропуская мимо ушей ворчливое бормотание Мэмору. Земля пáriaла под солнцем, не до конца просохнув после недавнего дождя. Влажный и теплый воздух был напоен ароматом глициний. Их соцветия ключьями вечерних сумерек свешивались через невысокие ограды. На смену глициниям, чье время уходило, спешили пушистые шары расцветающих гортензий: белые, розовые, небесно-голубые.

Само сложилось:

Сумерки гаснут,
Цветы дня расцветают.
Весна и лето.

И что вы думаете? Зловредная память, хихикая старушечьим голоском перерожденки, немедля подсунула мне стихи Басё. Посвященные – ну да, разумеется! – глициниям и гортензиям. Вот уж воистину: «Без слов – цветков»! Молчи, Торюмон Рэйдэн, не лезь к великим со своими поэтическими потугами! Глядишь, за цветков сойдешь.

Хоть за какой-нибудь.

Никогда не записываю свои стихи. И никому их не читаю, только вам.

Я оглянулся – проверить, не отстал ли мой новый слуга – и мысленно обругал себя за скудоумие. Куда там – отстал! При его-то росте и журавлиных ногах? Напротив, Широно приходилось сдерживать шаг, чтобы не обогнать своего господина. Он, кстати, очень ловко держался у меня за спиной: привык за годы службы у господина Абэ.

– Болван!

Это я не слуге. Это я Мэмору. Обжора, чтоб он подавился, встал как вкопанный, когда я повернул голову к Широно. Ну, я на него и налетел; в смысле, на Мэмору. Мой подопечный, понимаете ли, вздумал купить полдюжины шариков *онигири*⁷...

– Тупая башка!

Мэмору сыпал извинениями, кланялся – и не прекращал отчаянный торг, проклиная жадность торговца и несусветную цену за дрянной товар. Я схватил его за шиворот и поволок дальше.

Миновав квартальные ворота, мы принялись кружить по мешанине улочек и закоулков, кривых и грязных. Здесь торговли съестным не было и Мэмору заметно приуныл. Я уж стал

⁶ Обон – трехдневный праздник поминовения усопших. Проводится в конце лета.

⁷ Онигири – рисовые шарики с разнообразными начинками.

опасаться, что он забыл дорогу – с перерожденцами такое случается – но нет, он встрепенулся и припустил вперед с такой резвостью, что я едва за ним поспевал.

Вот Широно, наверное, было в самый раз.

– Мисо, мисо⁸... – бормотал Мэмуру себе под нос. – Чую, пахнет!..

– Подайте, добрый господин!

Нищие обретаются на базарах или рядом с лавками – там подают лучше. Ну, еще возле храмов. Этой глупой женщине – разлохмаченному кому пестрого тряпья – вздумалось промышлять в здешней глухомани, где половина жителей вряд ли богаче ее. На что и рассчитывала? На то, что сюда забредет богатенький и добросердечный самурай? И ведь забрел же!

– Явите милосердие!

Отлепившись от забора, цветастое недоразумение сунулось мне под ноги, протягивая деревянную миску для подаяний. На ее беду, я попытался не отстать от Мэмуру и двигался едва ли не бегом. Нищенка промахнулась, подкатившись прямо под длиннющие ноги Широно.

Невиданное дело: просить подаяния у каонай!

Слуга отшатнулся, боясь наступить на дуру, и споткнулся на камнях. Деревянная подставка-перекладина на правой сандалиии громко хрустнула и сломалась. Широно покачнулся – и долгий-предолгий миг я был уверен, что он сейчас упадет. Даже мысленно продолжил начавшееся движение, воочию представив: вот Широно заваливается набок, влетает плечом в забор, некрашенный и занозистый даже на вид; от удара с него слетает служебная маска карпа, безобразная серая личина каонай выставляется на всеобщее обозрение...

Он не упал. Чудом удержался на ногах, вернее, на левой ноге, исполнив замысловатый танец – серию прыжков по колдобинам. Замер, застыл, высоко вздернув колено правой ноги.

Как есть журавль!

– Простите, добрый господин, простите! Не гневайтесь!

Прощения нищенка просила у меня. При этом она уставилась на Широно, не в силах оторвать от него взгляда. Ну да, безликий слуга дознавателя скачет на одной ножке – такое не каждый день увидишь!

– Прошу простить мою неуклюжесть...

На нищенку Широно не глядел. По-прежнему стоя журавлем на болоте, этот подлец ухитрился поклониться мне со всем подобающим почтением, не теряя, впрочем, собственного достоинства.

– Неуклюжесть? Скорее я должен восхититься твоей ловкостью.

– Вы мне льстите, господин. Извините за задержку, я готов следовать за вами.

И он сбросил с ног обе сандалиии – целую и сломанную – без колебаний встав в грязь, как был, в белых носках.

Ничего, потом выстирает.

Я кивнул ему и ринулся за Мэмуру, который – вот ведь гад! – и не подумал нас подождать. Клянусь, я едва не потерял его в здешнем лабиринте, а когда наконец догнал, перерожденец расплылся в ухмылке:

– Пришли! Мы пришли!

Проворно нырнув в незапертую калитку, он поспешил к дому – надо полагать, своему – нимало не интересуясь, следует ли за ним господин дознаватель.

– Мисо! – донеслось уже из дома. – Супчик!

⁸ Мисо – густой рисовый суп-паста. Готовится путем брожения риса с помощью особых плесневых грибов.

3

«Вопросы? Моему мужу?!»

Во дворе мое внимание первым делом привлекли шесты. Крепкие бамбуковые шесты длиной в полтора человеческих роста были составлены под тростниковым навесом у колодца, сложенного из плоских камней. С такими шестами мы, бывало, упражнялись в додзё сенсея Ясухино. Неужто Мэморю тоже посещает додзё?

Позор! Торюмон Рэйдэн, ты совсем рехнулся?

Что-то я сегодня плохо соображаю. Саке перебрал, что ли? Мэморю – уличный разносчик, он на шесте корзины с товаром таскает. Вон, кстати, и корзины – под вторым навесом вдоль забора. Ни дать ни взять, гнезда исполинских птиц. В каждую взрослый мужчина забраться может; а если сложится в три погибели, его и видно не будет.

Из-под крышки колодца повалил густой белый дым. От неожиданности я отступил на шаг, потянул носом. Запах показался знакомым. Ну точно! Это не колодец, а коптильня для тофу. Вот вам и первый день после испытательного срока! Что ни мысль – все мимо.

Соберись, тряпка!

Судя по ароматам, долетавшим из фальшивого «колодца», там коптился жареный творог с чесноком и пряными травами. Рот наполнился слюной, в животе взвыли гуляющие коты. Надо было и самому купить пирожков! Сейчас я отлично понимал Мэморю, спешившего перекусить при всяком удобном – а хоть и неудобном! – случае, даже рискуя навлечь на себя гнев должностного лица.

Небось, за обе щеки суп наворачивает, перерожденец! Хоть бы из приличия угостил, что ли? О чем я думаю?! Я пришел сюда проводить дознание, а не брюхо набивать...

Из дома объявилась женщина: серая застиранная одежда из домотканого полотна, соломенные лапти. Волосы хозяйки были наспех скототы деревянными, больше похожими на занозы шпильками в подобие самой простой прически. Завидев меня, женщина упала на колени, ткнула лбом в землю:

– Господин!

После чего, с еще ббльшим проворством вскочив на ноги, она кинулась к коптильне: проверить, не подгорел ли тофу.

– Торюмон Рэйдэн! – гаркнул я. – Дознаватель службы Карпа-и-Дракот!

Небось, за три дома слышно было. Пусть слушают, мне еще свидетели понадобятся. Лучшие свидетели, как известно, соседи: проверено многократно.

Женщина замерла над коптильней. Втянула голову в плечи, словно в ожидании удара. Бережно опустила на место крышку, развернулась ко мне, вновь упала на колени.

– Ты жена Мэморю?

– Да, господин.

– Как тебя зовут?

– Асами, господин.

– Тебе известно, что твой муж сделал заявление о фуккацу?

Пауза. С медлительностью смертельно больного человека Асами подняла голову. Я успел поймать ее взгляд, где испуг мешался с растерянностью, после чего хозяйка вновь усталилась в землю.

– Нет, господин.

Ответ был лишним. Я и так понял, что Мэморю не поставил жену (*невестку...*) в известность о своем решении.

– Я задам тебе вопросы. Потом ты задашь вопросы своему мужу. Тебе ясно?

Еще один перепуганный взгляд:

– Вопросы? Моему мужу?!

Предложи я ей сжечь храм, и то она поверила бы быстрее.

– Да, Асами, – произнес я как можно мягче. – Вопросы твоему мужу Мэмору. Он сам пришел в нашу службу, сам захотел, чтобы мы провели дознание. Не бойся, я подскажу, о чем спрашивать.

– Да, господин. Как скажете, господин.

Она все равно боялась. Тут я ничего не мог поделать.

– Твой муж сейчас в доме?

Я прекрасно знал, где находится Мэмору. Я просто надеялся, что безобидный вопрос успокоит женщину.

– Да, господин. Он ест.

Уже лучше. Хоть пару слов от себя добавила.

– Пусть ест, это ничего. И пусть никуда не уходит. Ты тоже будь здесь. Занимайся домашними делами, как обычно. А я схожу за свидетелями – и приступим. Ваши соседи хорошо знают Мэмору?

– Да, господин.

– Они знали его мать?

– Мать Мэмору? Она умерла, господин!

– Мне известно, что она умерла. Ваши соседи хорошо ее знали?

Пауза. Растерянность. Сомнение. Мне не требовалось видеть лица Асами, чтобы все это уловить.

– Не знаю, господин. Наверное, господин.

– Продолжай, не бойся.

– Эйта ее хорошо знал. Мы у него тофу на продажу берем.

Не дожидаясь следующего, вполне очевидного вопроса, Асами указала рукой в сторону соседнего дома. Ну, уже что-то. Для начала хватит.

– Жди меня. Оба ждите: ты и твой муж. Я вернусь со свидетелями.

* * *

– Заявление о фуккацу? Свидетелем? А что, могу и свидетелем!

Эйта – румяный старичок-колобок – был живым воплощением бога Дарумы, подателя счастья и радости. Обнажен по пояс, являя взорам внушительный живот, Эйта степенно оглаживал то свое впечатляющее вместилище счастья, то седенькую бородку. Когда он радостно улыбался, а он это делал постоянно, от глаз разбегались веселые лучики морщинок. При этом Эйта не забывал помешивать кашницу из перетертых соевых бобов – варево бродило в огромном котле, под которым едва теплился огонь очага.

– Сейчас, оденусь только...

И завопил во все горло:

– Айна! Айна! Иди сюда, пригляди за котлом.

Кисловатый запах, что шел от котла с будущим тофу, был не слишком аппетитным. Тем не менее, голод мой разгорелся с новой силой. Что за напасть такая сегодня?! Отвернувшись, я сглотнул наполнившую рот слюну. Из дома вприпрыжку выбежала совсем еще юная девушка в нарядном кимоно цвета весенней листвы. Дочь? Вряд ли. Внучка, не иначе. Зарделась, увидев меня, низко поклонилась – и, с привычной ловкостью подвязав рукава, сменила деда у котла. Плоской деревянной мешалкой она орудовала не хуже Эйта, при этом успевая коситься на меня и улыбаться украдкой.

Вот ведь! Настоящий дом радости. Сам не заметил, как настроение поднялось. С немалым трудом я стер с губ ответную улыбку. Я при исполнении! Некогда нам девчонкам глазки строить.

– Как оденетесь, идите во двор Мэмору. Ждите там.

4

Кушай, бабушка!

Пока Асами бегала в дом за циновками и подушкой (циновки – всем присутствующим, подушка – лично господину дознавателю), пока расстилала циновки во дворе, то и дело прерываясь на досмотр коптильни – не пригорает ли тофу... Подготовка к началу дознания затягивалась, ускорить ее вряд ли было возможно, и я от нечего делать бродил по двору – сколько там того двора? – а позже свернул за дом. Узкий проход между забором и западной стеной жилища вывел меня в скромный сад. Три абрикоса, одна сакура – и буйные заросли бурьяна, где с легкостью укрылась бы небольшая армия *хитоцумэ-кодзо*: одноглазых мальчишек-призраков, тех еще пакостников, если верить рассказчикам страшных историй.

Бурьян шевельнулся.

– Кушай, – произнес детский голос. – Ну кушай же!

Кажется, в этом доме все помешались на еде.

Я сунулся в бурьян и обнаружил мальчика лет пяти. Нет, не призрак: оба глаза на месте, просто красные, заплаканные. Малец был голым по пояс, в широченных штанах цвета мокрой земли. Ну да, сосед Мэмору тоже встретил меня с обнаженным торсом. Принято у них так в квартале, что ли? Увы, комплекцией ребенок ничуть не напоминал жизнерадостного толстяка – даже в миниатюре. Ребра сквозь кожу пересчитать можно.

– Кушай, бабушка!

Грубо вырезанная кукла – деревяшка с паклей вместо волос – была наряжена в жалкое подобие женского кимоно. В дырку, изображавшую широко разверстый рот куклы, мальчик совал какие-то крошки. Крошки вываливались, падали в густую траву, терялись в ней. Но мальчик был настойчив:

– Кушай, бабушка! Пожалуйста!

– Не хочет? – посочувствовал я.

– Не хочет, – кивнул малец с убийственной серьезностью.

Поднял на меня взгляд:

– Вы кто?

– Торюмон Рэйдэн. А ты?

– А я Арэта. Вы к папе в гости пришли?

– Ты сын Мэмору?

– Ага. И мамин.

– Да, я пришел к твоему отцу. Но не в гости, а по делу.

– У меня тоже дело есть! – вздохнул Арэта. – Я бабушку кормлю. Только вы папе не говорите, хорошо?

– Почему? Разве ты делаешь что-то плохое?

– Папа заругается.

– Думаешь?

– Ага. Стукнуть может. Больно!

По спине пробежали зябкие мурашки, словно из гущи бурьяна вдруг пахнуло холодом. Такой себе привет из недавнего прошлого.

– Это твоя бабушка? – я указал на куклу.

Мальчишка опять кивнул:

– Да. Я ее сам сделал.

В памяти хищной рыбкой всплыла кукла-талисман Каори, моей приемной сестры. История с неукротимым духом ее брата Йоши, самонадеянным монахом-двоедущем... С тех пор я на любую куклу поглядывал с подозрением. Кажется, я знаю, почему разносчику Мэмору не нравится безобидное занятие сына. Мне оно тоже не нравится. Папа заругается, может стукнуть? На месте папы я бы пресекал такие штучки в самом начале.

Что за чушь в голову лезет?! Отец Арэты и есть сейчас бабушка Арэты. Если не врет, конечно. Ее дух – в его теле, а не в этой дурацкой деревяшке. В руках у мальчика – обычная кукла, это не опасная *сарубобо*. О да, в результате двух последних дел я стал истинным знатоком талисманов.

А насчет того, врет Мэмору или не врет – при дознании выясним.

– Хорошо, я не скажу твоему отцу. Но, боюсь, бабушка не станет есть. Ты ведь знаешь, что она умерла?

Зря я так. Если мальчишке неизвестно о смерти бабушки, ему следовало бы услышать это от родных, а не от чужого самурая.

– Угу, – по-взрослому кивнул Арэта. – Знаю. Она и сейчас не ест, и раньше не ела. Холодная лежала. Есть не хочет, не может. Я ей: «Кушай, бабушка!» А она молчит. Не кушает. И сейчас тоже. Жалко. Голодная...

Он склонился над куклой:

– Кушай, бабушка. Пожалуйста!

Знал, выходит. Каори тоже долго не верила в смерть брата, услужливо подсказала память. Девочка была отчасти права, и Арэта тоже в чем-то прав: его бабушка умерла, но для внука она жива. Если так, почему бы не предложить ей еды? В конце концов, все мы во время праздника Обон угощаем духов предков, явившихся к семейному алтарю.

Все, пора за дело!

Я тихо попятился из зарослей. Думаю, Арэта не заметил моего ухода, всецело занят попытками накормить упрямую бабушку.

* * *

Бабушка во плоти (пусть и в чужой) объявилась во дворе, лишь когда я рывкнул на всю улицу:

– Мэмору, бездельник! А ну быстро сюда!

И добавил с нескрываемой злостью:

– Мне тебя до ночи дожидаться?!

Разносчик возник в дверях, что-то дожевывая на ходу. Я нахмурился так, что мне и небесный покровитель-громовик позавидовал бы.

– Прошу прощения! – обжора сыпал поклонами. – Я уже туточки!

Я указал Мэмору на циновку. Все заняли свои места – и тут сбоку, на краю поля зрения, что-то шевельнулось. Не что-то, а кто-то. Широно! Совсем про него забыл. Похоже, слуга так и простоял все время у забора без движения, прикинувшись деревом. Судя по тому, как ахнула Асами, она тоже заметила верзилу только сейчас. Понятное дело, циновку для этого длинномерного невидимки никто не принес.

Непорядок! Какой ни есть, а Широно мой слуга. Ему сидеть на голой земле – господина позорить. Жестом я отправил Асами в дом за циновкой. Дождавшись хозяйки, каонай со всеми удобствами расположился подле меня, но так, чтобы не слишком мозолить людям глаза. Это у него получалось лучше лучшего, хоть в клан ниндзя записывай.

Когда Широно извлек из сумки письменные принадлежности, я наконец смог приступить к дознанию.

Глава третья Какой красивый!

1

«Твое любимое блюдо?»

– Итак, заявитель Мэмору, разносчик тофу...

– Котонэ! Котонэ я, мать этого...

– Заявитель! Не смей перебивать дознавателя!

– Прощения просим...

– Итак, заявитель Мэмору, разносчик тофу с Малого спуска. Ты утверждаешь, что произошло фуккацу, и ты – Котонэ, мать Мэмору, в его теле?

– Да! Да! Так и есть! Вот же подлец...

Кисть слуги порхала над листом рисовой бумаги. О протоколе можно не беспокоиться.

– Сейчас я буду задавать вопросы заявителю. Потом вопросы зададут свидетели. Внимательно слушайте ответы! Если кто-то из присутствующих сочтет, что ответ не соответствует истине, он должен об этом заявить вслух. Всем ясно?

Я обвел взглядом присутствующих. Каждый из свидетелей поспешил ответить поклоном. Кроме Эйта и Асами, присутствовал еще один сосед, горшечник Сэберо. Долговязый, нескладный, усы уныло обвисли; и тело, и лицо Сэберо состояли из углов, торчащих невпопад. Кто угодно предположил бы, что и горшки из его рук выходят кособокие. Нет, горшки радовали глаз приятной округлостью: видел я товар у него во дворе, когда звал Сэберо в свидетели.

Говорят, красивые цветы хороших плодов не приносят. Горшечник служил живым подтверждением того, что у некрасивых цветов с плодами, напротив, все в порядке.

– Ты утверждаешь, – обратился я к хозяину дома, – что твой сын Мэмору тебя убил?

– Убил, мерзавец! Как есть убил!

– Каким способом?

– Утопил, чтоб ему в аду скорпионов в кишки напихали!

– Он сделал это намеренно?

– Ась? Это как?

– Он нарочно тебя утопил или случайно?

– Нарочно, гадюка! Давно избавиться от старухи хотел! Лишний рот, пользы никакой...

Это про родную-то мать! Эх, сейчас бы пожевать чего...

Мой желудок откликнулся неподобающим бурчанием.

– Итак, ты утверждаешь, что твой сын утопил тебя, понимая, что делает? Зная о последствиях? О фуккацу? И все равно утопил?

Глазки Мэмору забегали. Вряд ли сын старухи был безумцем, забывшим о фуккацу. С другой стороны, утопил же он мать, раз дух старухи сидит в его теле? Наличие намерения не столь уж важно: факта перерождения это не меняет. И все же этот момент стоит прояснить.

– Что скажешь, Мэмору? Или, если угодно, Котонэ?

Мать без сомнения зла на сына-убийцу. Когда злость застит разум, случайность легко принять за преступный умысел.

– Про фуккацу всем известно, ваша правда, – перерожденец тяжело вздохнул. – Позвал меня этот негодяй на берег реки. Облаками, значит, любоваться. Мы любуемся, а он и сакэ с собой прихватил. Все мне подливает, щедрый какой! Матушка да матушка, да любимая... Я и захмелела. Он меня подводит к берегу, где самая круча: погляди-ка, мол, какие на том берегу

ивы распрекрасные! И назад, назад пятится! А меня уж ноги не держат. Смекнула я, что он замыслил, уцепилась за него, чтоб не упасть. А он с перепугу меня оттолкнул. Ну, я с кручи в воду... А есть у кого-нибудь пирожочек? Да хоть лопух вареный, а?

– Выходит, твой сын толкнул тебя в воду случайно?

– Вроде как случайно. А все одно нарочно! Он моей смерти хотел!

Что ж, похоже на правду.

– Кто-нибудь это видел?

– Что?

– Как вы пили sake, как сын повел тебя к берегу? Как толкнул?

– Не было там ни души! Только я и этот...

Ну да, кто ж такое при свидетелях проделывает?

– Где это произошло?

– Говорю же, на нашей речке. Рядом тут, иначе б не дошла. Там ива приметная, кривая. Валун на собачью башку похож. Как раз между ними, ивой и валуном, этот подлец – лучше б и не рожала его!..

– Достаточно. Я понял. У тебя имеются родственники?

– Родственники? Да откуда у меня родственники? Старая я, родители померли – уж и забыла, когда. Сестра была, брат... Тоже померли. Одна я на всем белом свете!

Мэмору пригорюнился, по-старушечьи подпер сухим кулачком щеку:

– Сынок-убивец? Так он, небось, в аду уже. В аду же, верно? Жена его? Тоже мне родственница! Она ему жена, а не мне. Внучок разве что, Арэта? Больше и нет никого...

Я оглядел собравшихся. Все молчали.

– Верно ли говорит заявитель? У кого-нибудь есть, что возразить?

Асами втянула голову в плечи, уставилась в землю перед собой. Соседи пожали плечами: про невестку и внука верно сказано, а об остальном нам-то откуда знать?

Формальности, да. Пустые формальности.

А для меня – пытка.

Мэмору, злополучный перерожденец, ты совсем не похож на моего отца – отец бы оскорбился, вздумай я вас сравнить. Да я скорее отрезал бы себе язык, чем произнес такое вслух! Асами ничуть не напоминает мою матушку, как и я – малыша Арэту. В пять лет я уж точно не сидел за домом в бурьянах и не кормил крошками деревянную куклу. Но как ни гони прочь возмутительные мысли, они все равно лезут в голову. Ломятся грабителями, входят незваными гостями. Считай, три года прошло, все должно было забыться – и вот на тебе...

Отец – не отец, а бабушка. Да, мой отец не знал, что дает матери яд вместо лекарства, но для фуккацу это не имеет значения. И то, что я сейчас сижу на месте Сэки Осаму и сам веду дознание, ничего не значит для моей упрямой памяти. Или наоборот, только это и имеет значение?

Неудивительно, что с губ моих сорвался тот, давний вопрос господина Сэки:

– Твое любимое блюдо?

– Ась? Чего?

– Что ты больше всего любишь есть?

– Есть? – лицо Мэмору расплылось в мечтательной улыбке. – Жевать, глотать? Все люблю! Все! Любимое блюдо? Любое, что ни дайте, все съем! Вот бы и сейчас перекусить, а? Чем найдется, а?

Соседи и жена разносчика дружно закивали: мол, чистая правда. Все любит. Все ест. Я уже ясно видел: разносчик не врет, в теле Мэмору – дух его матери. Можно спокойно выписывать грамоту о перерождении. Но протокол есть протокол, дознание следует довести до конца.

– Я предоставляю слово свидетелям...

2

Дела семейные

– Рэйдэн! Рэйдэн вернулся!

Каори с разбегу повисла на мне:

– Какой красивый!

Я закружил девчонку, слушая ее счастливый визг – и ворчание матушки, всемерно подержанное О-Сузу, нашей старой служанкой. Юные девушки так себя не ведут, со знанием дела утверждали опытные дамы. Юным девушкам приличествует скромность, потупленный взор и усердие в домашних делах. И что самое прискорбное: некому как следует наказать юных невоспитанных девушек за их развязность, достойную осуждения. А все почему? Все потому, что мужчины в доме бессовестно потакают буйным девицам в их непростительных забавах, а женщины в доме слишком добросердечны для наказаний, и значит, тоже в общем-то потакают...

При этом О-Сузу не забывала чистить и потрошить угрей, купленных у рыбаков прямо на пристани, а матушка готовила к рыбе сладкий соус. В корзинке перед ней ждали своего часа древесные грибы, водоросли и мисочка со стружкой тунца.

– Какой красивый!

Я и впрямь был красивый. Чего зря скромничать?

Покинув жилище разносчика Мэмору, я отправил Широно в управу, велев ему вкратце пересказать суть дела секретарю Окаде и просить секретаря подготовить для меня – точнее, для Мэмору – грамоту о перерождении. Все спорные или неизвестные секретарю сведения в грамоте пусть оставляет в виде пустых мест, я завтра утром все заполню. Широно умчался, наконец-то не сдерживая свой журавлиный шаг, а я, мучимый голодом, направился перекусить в лапшичную дядюшки Ючи, где и встретил старого знакомого – полицейского Хизэши.

Да-да, того самого, который зимой из рядового досина возвысился до звания ёрики, после чего оказал мне услугу, согласившись приглядывать за одним не в меру ретивым лавочником, любителем собачьих боев. Услуга эта изрядно обогатила Хизэши, превратившись в регулярный, а главное, не известный начальству источник дохода – прознай о лавочнике в управе городской полиции, и Хизэши пришлось бы делиться. Так что я мог не считать себя в долгу у приятеля – мы были квиты.

«Братья! – завопил Хизэши. – Мы теперь с тобой братья!»

Я начал лихорадочно прикидывать, с чего это вдруг Хизэши записал меня в братья, но он сам прояснил ситуацию. Каким-то чудом – полицейские все чудотворцы в смысле сплетен – Хизэши разузнал, что меня сегодня публично поздравляли во дворе нашей управы и даже (*пре-светлый Будда!*) пили саке за казенный счет. С чем меня поздравляли, он не знал, но справедливо решил, что с повышением. Суть повышения также осталась для Хизэши тайной, только он и не стремился вызнать всю подноготную. Его повысили зимой, меня повысили на пороге лета – братья, кто еще, если не братья!

Он, понятное дело, старший, я младший.

Как младший, я заплатил за выпивку. Потом заплатил еще раз. Потом Хизэши взял добавку, как старший. Потом нас угостили за счет заведения. Дальше гуляла вся публика, какая только собралась в лапшичной, а дядюшка Ючи не брал платы за каждую третью чашку лапши и каждую пятую бутылочку саке. Потом Хизэши увидел мою новую одежду, подаренную приемнику господина Абэ от лица службы – я забрал ее у Широно, прежде чем отправить слугу в управу, потому что из лапшичной собирался идти домой.

Я и опомниться не успел, как меня раздели и сразу одели, но уже в дареное.

«Какой красивый! – горланил Хизэши, предвосхищая мою встречу с приемной сестрой. – Да ты просто бог Идзанаги! Как чудесно, я встретил прелестного юношу!»⁹

И гуляки вторили ему:

«Хорош! Давайте женим красавца! Зовите певичек...»

Тут я и удрал. Певичек все равно позвали, только я уже этого не видел. В голове играли флейты и стучали барабаны, но я все-таки сообразил, что старую одежду надо прихватить с собой. Никуда бы она не делась, хозяин лапшичной прислал бы одежду завтра ко мне домой с мальчишкой-посыльным, но я хорошо представлял, во что превратится наряд, случайно сброшенный на пол кем-то из забулдыг, после явления веселых девиц и бурного восторга собравшихся.

Увидь это тряпье моя матушка – попреков не оберешься!

– Хидео-сан еще не вернулся?

Сняв с себя Каори, недовольную завершением потехи, я повернулся к матери. Та только руками развела: сам, мол, видишь! В последнее время образ жизни отца резко изменился: он теперь не проводил ночи в патруле, зато уходил на службу рано и засиживался допоздна.

Да, засиживался. А что, я еще об этом не рассказывал?

Не только мы с Хидэши получили повышение. Отец был третьим в нашей компании, хотя назвать его братом я бы не рискнул. Мне и без того хватало нашего сложного родства. Господин Хасимото, начальник городской стражи, не ограничился благодарностью, объявленной старшине Хидео в моем присутствии. Уж не знаю, что больше повлияло на решение господина Хасимото: благодарность, высказанная вслух, или общие заслуги моего отца? Так или иначе, месяц назад он вызвал старшину к себе в кабинет и объявил, что у него – у начальника, в смысле – освободилась должность третьего младшего помощника. И господин Хасимото никого не хочет видеть на этой должности, кроме как Торюмона Хидео, самурая опытного, сурового к подчиненным, знающего всю кухню (*он так и сказал: кухню!*) охраны порядка не понаслышке.

Отец пал ниц и возблагодарил.

Новые обязанности требовали от отца личного присутствия в управе. Он уже не мерял шагами темные улицы в компании сослуживцев, а сидел в отдельном помещении, деля его с двумя другими помощниками начальника стражи. Сидел и, что называется, марал бумагу. Закрывал старые, утратившие смысл маршруты караулов и прокладывал новые; рассчитывал время, достаточное для патрулирования тщательного, с вниманием к мелочам, а не такого, когда стражники последнюю треть дороги бегут сломя голову, волоча за собой на веревке задержанного пьяницу, потому что не успевают завершить свой дозор к положенному часу. Менял состав караулов, следя, чтобы новичок попадал в общество людей опытных, а двое забияк, готовых в любой момент помериться силами, не шлялись переулками бок о бок, ища малейший повод опозорить звание стражника.

Помощники господина Хасимото, как мне передали сведущие люди, сперва опасались отца, полагая, что он возжелает подсидеть одного из них и двинуться дальше по служебной лестнице. Но вскоре стало ясно, что хмурый и неразговорчивый Хидео к карьере не стремится, интриг не плетет, зато работу свою делает лучше лучшего. Заодно он делал и треть работы сослуживцев, позволяя им сбегать домой раньше срока, к заждавшимся женам, или в веселый квартал к «цветам сливы».

Падать ниц помощники не стали, но тоже возрадовались.

Если кто здесь и был недоволен, так разве что мой отец. Привыкнув к ночному образу жизни, он с трудом перешел на дневной. Кроме того, сидячая работа претила его характеру.

⁹ Хизэши цитирует слова, произнесенные богиней Идзанами в адрес своего мужа бога Идзанаги, когда они встретились во время акта творения мира и других богов.

И под страхом смерти он не признался бы в том, что с большей радостью прочесывал бы в крошечной тьме квартал за кварталом, охраняя покой горожан, нежели помогал бы это делать другим стражникам, сам оставаясь в управе. Отказаться от повышения он не мог, поэтому стал мрачнее обычного, а на кисть с тушечницей смотрел, как на заклятых врагов.

О, вспомнил! Еще недовольство изъявляли стражники караула, ранее возглавляемого моим отцом. Даже то, что старшиной стал Нисимура Кери, а не кто-то посторонний, назначенный сверху, не примирило караул с потерей. Впрочем, мнением стражников в управе не интересовались, а их сетования, которые я слышал, когда они забегали к нам повидаться с отцом и выпить чашечку-другую, не выходили за пределы нашего дома.

Раньше обычного отец теперь покидал управу лишь в тех случаях, когда шел в додзё сенсей Ясухиро – обучать молодых самураев владению плетями, палкой и боевым ухватом. Сенсей и начальник стражи наконец-то восстановили добрые отношения в полной мере, и господин Хасимото выписал отцу разрешительную грамоту. В такие дни отец возвращался домой даже позже, чем со службы. Посещая додзё, я видел, как ученики после занятий донимают его расспросами, которые выходили далеко за пределы текущего удара или двойного перехвата. И мой отец, из которого слова не вытянешь иначе как клещами, рассуждал о высоких жизненных принципах, низменных страстях и благородных устремлениях. В такие мгновения я старался прятаться за чужими спинами – завидев меня, отец вновь становился прежним молчуном.

Не знаю, что в этом мире могло смутить Торюмона Хидео. Но мне, похоже, это удавалось.

– Ладно, – вздохнул я. – Дождемся возвращения отца.

Это значило, что ужин откладывается. Он и так откладывался – судя по возне женщин с угрями, матушка с О-Сузу не собирались никого кормить, прежде чем глава семьи объявится во дворе. Даже если в доме и есть иная еда, а угри предназначались на завтра – ни мне, ни Каори не достанется и крошки. Хотя я и отменно закусил в лапшичной – и отменно выпил, каюсь! – призрак дневного голода ворочался в животе. Хихикал, бормотал старушечьим голосом, драл по живому острыми коготками...

Гром и молния!

Я-то закусил, перетерплю. Но ведь я теперь не один!

– Широно?

– Я здесь, господин.

3

«Еще одна маска, господин!»

Он стоял у забора, как всегда неприметен.

Он ждал распоряжений, а я, словно городской дурачок, пялился на его ноги. На белые носки из плотной ткани, в которых Широно проходил весь день по улицам Акаямы из-за сломавшейся сандалии. Стемнело, но не слишком, и я отчетливо видел: носки белые, по-прежнему белые, хотя по всем правилам к вечеру они должны быть черными от грязи.

Этого не могло быть. И тем не менее...

– Я починю, господин. Не надо беспокоиться.

Широно неправильно истолковал мой взгляд. Протянул вперед сандалии, которые держал в руках, зажав ремешки в кулаке:

– Я починю. Это несложно. Вот, смотрите: уже целая...

Наверное, мой пристальный взгляд смутил его. Широно забеспокоился и, желая как можно быстрее отвлечь от себя внимание нового хозяина, допустил ошибку – сделал то, чего делать не следовало бы. Он хлопнул ладонью по той сандалии, которая утром сломалась на улице. От этого удара опорный брусочек не мог встать на место, не мог закрепиться, как род-

ной, будто и вовсе не ломался – и тем не менее встал и закрепился, как сустав под ловкими действиями костоправа.

– Видите, господин?

– Да, – ошалело пробормотал я.

За свою жизнь я сносил много разных гэта. Из ивы и липы, с широкими и узкими «зубами», как назывались опорные брусочки; с ремешками из кожи и ткани; на низкой подошве для хорошей погоды и на высокой для дождей. Ходил и в таких, что стоит перенести вес на носок – и сразу «клюешь» вперед, проклиная все на свете. Но сандалии, подобные тем, что носил Широно, я не надел бы под страхом самого ужасного наказания, потому что сломал бы себе шею, не сделав и десяти шагов.

Иппонба-гэта – их деревянная подошва опиралась на один-единственный, чудовищно высокий «зуб». В *иппонба-гэта*, случалось, расхаживали по сцене особо ловкие актеры, восхищая публику своей изысканной походкой – или записные щеголи Акаямы, согласные лучше остаться калекой на всю жизнь, чем испачкаться в грязи.

– Ты в этом ходишь? – выдохнул я.

– Хожу, господин.

– Всегда?

– Всегда, господин.

– Завтра же куплю тебе нормальную обувь. В твоих только хурму с веток доставать.

– Не делайте этого, господин.

– Почему? Мне не жалко денег.

– В другой обуви я не могу ходить, господин. В другой обуви я спотыкаюсь.

Он спотыкается. В другой обуви, значит, спотыкается, а в этой порхает как птичка. И грязь к носкам не липнет. И «зуб» встает на место от легкого хлопка. Если остатки саке еще бродили у меня в голове, то сейчас весь хмель выветрился без остатка.

– Сними маску, – велел я.

– Не надо, господин.

– Почему?

– Это лишнее.

– Ты у меня не первый слуга. Думаешь, в моем доме не видели безликих? Снимай, ты не можешь все время ходить в маске. Тебе надо есть, спать...

– Позвольте мне остаться в маске, господин.

– Снимай! – рявкнул я, теряя терпение. – Немедленно!

Он подчинился.

Во дворе воцарилось потрясенное молчание. Первой его нарушила неугомонная Каори.

– Какой! – взвизгнула девчонка, не в силах сдержать восторг. – Какой красивый!

Безликий? Если я ждал появления омерзительной массы, серой и губчатой, заменяющей каонай утраченные черты лица, я непростительно ошибся. О, у Барудзироку Широно было лицо! У него было лицо, которое следовало прятать под маской карпа с еще большей тщательностью, чем это делают каонай.

Кожа Широно была ярко-красного цвета. В сумерках она выглядела багровой, как если бы слуга кипел от ярости, не имеющей выхода. Казалось, в любой миг Широно готов сорваться, забыть о приличиях и ударить тебя чем-нибудь по голове. Ощущение усиливалось, едва на тебя падал его бешеный взгляд. Возможно, бешенством тут и не пахло, просто глаза Широно вылезли из орбит так далеко, что их блеск внушал собеседнику безотчетный страх. Страх усугублялся еще и тем, что из-под губы Широно, даже когда он не открывал рта, торчали кончики клыков, острых и блестящих.

А нос? Всем носам нос! Длиной в ладонь, не меньше, этот нос словно был создан для того, чтобы прятаться от насмешек под длинной рыбьей маской. На свой восхитительный

нос Широно мог бы повесить пять, а то и шесть шнурков с монетками – и клянусь, ни один шнурок не соскользнул бы на землю.

Передо мной стоял *тэнгу*¹⁰, «небесная собака».

Вернув себе самообладание после внезапного потрясения, я отметил, что во внешности моего нового слуги все-таки больше человеческого, чем это могло бы показаться на первый взгляд. Да и на руках Широно было по пять пальцев, а вовсе не по два, как рассказывали о тэнгу. По улице ему не стоило бы расхаживать без маски, но мне не составило труда довольно быстро привыкнуть к удивительному облику Широно.

– А что? – внезапно, ни к кому не обращаясь, заметила О-Сузу, наша неугомонная служанка. – Очень даже представительный мужчина. Ноги, руки. Ест, наверное, за двоих. И вообще, кто имеет длинный нос, тот имеет длинный...

Крепкий подзатыльник, отвешенный ей матушкой, помешал нам узнать, какими завидными качествами обладают длинноносые мужчины. О-Сузу прикусила язык, всхлипнув от боли и внезапности, а матушка рукой, вернее, только что очищенной морковкой указала на Каори: мы-то, зрелые дамы, все понимаем, но дитя? Невинное дитя?! Держи рот на замке, дура!

– Ты человек? – на всякий случай спросил я у Широно.

Он выпрямился, расправил плечи:

– Я Широно из деревни Барудзироку! Разумеется, я человек!

Гордость превыше неба звучала в ответе.

– У тебя есть что-то, – продолжал я, не заботясь его гордыней. Сейчас мне было не до того, чтобы щадить самолюбие Широно, кем бы он ни был, – что ты захочешь скрыть от меня! Что-то, что утаишь?

– Ни на земле, ни на небе нет ничего, что природный самурай скрыл бы от своего господина! Долг превыше всего!

Он поник, сгорбился:

– Ну, или слуга от хозяина. Спрашивайте, господин.

– Твои сандалии, носки... Это обувь, одежда – или части твоего существа?

– И то, и другое, господин. Сейчас уже больше обувь. Если все пойдет хорошо, правильно, станет просто обувь и одежда. Для этого я и пошел на службу к господину Абэ.

– Веер?

– Хватит, – приказали от ворот. – Не сейчас. Не при всех.

Во дворе стоял мой отец. Увлечены внешностью Широно, мы проморгали, когда Торюмон Хидэо вернулся домой. Было ясно, что отец устал. Было видно, что уже какое-то время он наблюдает за нами и в первую очередь за Широно, не вмешиваясь. Приблизясь к моему слуге, отец продолжил изучение примечательной внешности Широно. Если гордости слуги сейчас и наносился ущерб, Широно никак этого не выказывал.

– Соседи, – сказал отец, обращаясь к Широно. – Соседи твоего прошлого хозяина. Они видели тебя без маски?

– Нечасто, господин.

– И что они решили?

– Я очень незаметен, господин. В это трудно поверить, но когда я этого хочу, меня словно и нет. Если же соседи все-таки видели мой нынешний облик...

Нынешний, отметил я. Значит, был и другой.

– Они считали, что это маска. Еще одна маска, господин, вроде театральной, призванная скрыть отвратительную личину каонай. Если есть карп, почему не быть тэнгу?

Слово «тэнгу» он произнес с видимым отвращением.

¹⁰ Тэнгу (букв. «небесная собака») – лесной дух, своего рода леший.

– Это хорошо, – кивнул отец. – Я не хочу сплетен. Пусть никто не говорит об этом за пределами нашего дома. Никто, слышали?

– Жалко, – пискнула Каори. – Такой красивый...

О-Сузу тяжело вздохнула.

– Никто, – повторил отец, словно печать поставил. – Ни единого слова. В остальном... Рэйдэн-сан, я прошу вас обсуждать ваши служебные дела с вашим новым слугой наедине, без участия семьи. А сейчас пора ужинать. Что, еще ничего не готово?

Потом, взглядом показал я Широно. Все разговоры – в другой раз.

Глава четвертая

Три лилии

1

Живьем съест и косточки обглодает!

За ночь бог скуки, если есть такой, успел покрыть небо ровным слоем уныния. Серое, безрадостное, оно простиралось с востока на запад и с севера на юг, сколько хватало глаз. Прикидывалось тучами, только врешь, не обманешь! Какие это тучи? Ни тебе грозовой черноты, ни сизых туш дождевых облаков. Под тяжестью уныния небеса явственно просели, давили на голову.

Помню, Мигеру как-то говорил, что в тех краях, где он родился и вырос, уныние считается смертным грехом. Я не понял, что значит смертный грех, но промолчал, только кивнул. Сейчас, глядя в небо, начинаю понимать. Смертный, какой еще?

Разве это жизнь?

Не успел я выйти за ворота, как зарядил дождь, мелкий и нудный. Мы надолго, шептали капли, барабаны по земле; хорошо, если до конца дня. Пришлось вернуться за зонтом. Зонт у меня новенький, красивый, из черной промасленной бумаги с алым кругом по центру. Не вполне по центру, если честно, но чтобы заметить эту оплошность изготовителя, надо приглядеться.

Я в свое время не заметил, а потом было поздно.

Широно нахлобучил поверх маски соломенную шляпу жутких размеров – вряд ли меньше моего зонта! – и мы поспешили в управу. Сказать по правде, спешил один я, слуга же шагал размеренно, вразвалочку. При этом он не отставал от меня ни на шаг, все время маяча за плечом как приклеенный. Сандалию он действительно починил – и я старался не оборачиваться лишний раз, чтобы не видеть картину, способную свести с ума: Широно идет по мокрому булыжнику в своих головомных гэта на единственной подпорке.

Какая вопиющая непочтительность! Господин, понимаешь, торопится, едва не бежит, а этот журавль вышагивает себе как по любимому болоту!

Журавль?

Я вспомнил лицо, скрытое за служебной маской карпа; лицо, которому лучше было притвориться безликим воплощением позора, нежели открыться людям. Настоящие каонай идут на службу к дознавателям, чтобы вернуть утраченное лицо ценой жизни. Зачем на службу пошел ты, Широно? Чего ты хочешь? Что не успел подарить тебе дознаватель Абэ, если тебя унаследовал я? Господин Сэки не предупреждал меня насчет твоих стремлений и их цены; впрочем, он и насчет Мигеру меня не предупреждал. Просто сказал, что это знание способно сильно отяготить жизнь дознавателя...

За свою семью я не беспокоился – отцовский приказ не раскрывать рты попусту для них много значил. Беспокойство вызывал разве что бойкий язычок Каори, но с другой стороны – кто ей поверит? У такой дома и Небесная Черепаха проживает, и вся дюжина богов счастья...

Я взял себе на заметку выкроить свободное время – и самым тщательным образом расспросить Широно с глазу на глаз, без посторонних. Судя по тому, как легко складывалось дознание о фуккацу разносчика Мэморю, со свободным временем проблем не ожидалось.

– К вам посетитель, Рэйден-сан, – уведомил секретарь, едва я переступил порог. – Ждет в общей приемной.

– Благодарю, Окада-сан.

Посетителя я узнал с первого взгляда. Углы невольно и вислое усы: горшечник Сэберо с Малого спуска. Внешность запоминающаяся.

– Доброе утро, господин дознаватель! Я должен вам сообщить...

– Идем в мой кабинет. Там и сообщишь.

Зонт я оставил в коридоре, как и Широно – свою шляпу. И все равно, втроем мы в кабинете едва уместились. Краем глаза я наблюдал, как длинномерный Широно аккуратно складывается в углу, словно богомол или палочник. Когда слуга стал занимать совсем немного места, он достал письменные принадлежности. Интересно, у покойного господина Абэ кабинет был больше моего? Не знаю. Похоже, за годы службы Широно наловчился вести протокол в любом закутке. Полезное умение, да. Или врожденная способность тэнгу? Такая же, как и талант делаться незаметным, когда Широно стоит и не шевелится? Особенно если стоит у дерева или дощатого забора...

– Назови себя, – обратился я к горшечнику.

Кажется, он хотел спросить: «Зачем?» – но вовремя проглотил вопрос. Это он молодец. Избавил меня от лишних разъяснений.

Когда он назвался, кисть в руке Широно пришла в движение.

– Рассказывай, что ты хотел сообщить. Я слушаю.

– Умоляю простить меня, господин! Вчера, на дознании...

И он взвыл на весь кабинет:

– Я должен был сказать! Виноват! Не решился я...

– Что ты должен был сказать и почему не решился?

Зря это я. Вопросы следует задавать по одному.

– Вы ж, прошу прощения, уйдете, господин дознаватель! Уйдете ведь, правда? А нам с ней жить еще! Рядом, то есть, жить. По соседству, бок о бок. Нам здесь жить, а мне и подавно! Она ж теперь еще лет тридцать протянет, а то и больше! Ее и раньше злить было, что тигру голову в пасть совать, а уж теперь-то... Съест ведь! Живьем съест и косточки обглодает!

Вспомнилось: «Что ни дайте, все съем! Вот бы и сейчас перекусить, а?» Да, эта сожрет без соли, еще и добавки попросит!

– Сочувствую, – сухо обронил я. – Это все?

– Так это... Фуккацу, господин!

– Я знаю про фуккацу. Или я чего-то не знаю?

– Разве так бывает, чтоб через месяц? Вам, конечно, лучше знать, но я подумал...

– Что значит – через месяц?!

– Ну, утонула-то она месяц назад. Котонэ, в смысле. Матушка его; Мэморю матушка, значит. А так все правильно: речка, ивы...

– Котонэ утонула месяц назад?

– Ну да! Мэморю ее на руках принес. Спасти, говорит, хотел, вытащить. Вытащил, да поздно. Мертвую уже. Плакал, убивался. Ну, похоронил, как полагается – и дальше зажил. Тофу носил, продавал. Только есть стал больше. Как ни увижу его, все время что-то жует. Еще заговариваться начал. А потом вы приходите и в свидетели меня зовете. Это что же, через месяц – фуккацу? Нет, вам, конечно, виднее, может, так и бывает. Может, зря я это...

– Ты правильно сделал, что пришел и доложил. Я не скажу Котонэ, кто сообщил мне подробности ее смерти.

– Тысяча благодарностей, господин!

Уходить, однако, горшечник не спешил. Сопел, вздыхал, смотрел в пол. Ну конечно! Рассчитывает на награду. Перебьется, наглец. Секретарь Окада стеной встанет: «Пускать на ветер казенные средства?! Вам ворона в ухо каркнет, Рэйдэн-сан, вы и ей награду выпишете?!»

– Ты исполнил свой долг, Сэберо, пусть и с опозданием. Ждешь благодарности?

Он преданно заморгал, вытянул шею.

- Выношу тебе благодарность от имени службы Карпа-и-Дракона! Все, убирайся.
- Премного признателен, господин... Я это...

И уже из коридора:

- Я завсегда, если что... Все, все, уже ухожу!..

А ты не так прост, горшечник, думал я, выбираясь из-за стола и делая знак Широно следовать за мной. И гнев вредной старухи на себя не навлек, и сообщил что надо и кому надо. А что денег не получил – так и благодарность дознавателя хоть чего-то, да стоит. За сокрытие фуккацу положено наказание. Судя по тому, как горшечник отзывался о матери Мэморю, он надеялся теперь долго ее не увидеть. Чужими, значит, руками, в смысле, руками закона...

Горшечник был не прост, дело же, напротив, по-прежнему выглядело простым, но уже с другой стороны. Привет, неукротимый Йоши, кукла-талисман, привет, сестренка Каори! Уто-нувшая месяц назад старуха в теле сына, чужие интонации в голосе Мэморю, вероятно, двое-душца; мальчик кормит куклу-бабушку...

А я-то ей грамоту о фуккацу собрался выписывать!

Сердце в груди превратилось в карпа. Он с гулкой яростью бил хвостом, собираясь превратиться в дракона и извергнуть наружу жаркое пламя. Я выскочил под дождь, забыв раскрыть зонт. В первый миг мне показалось, что капли с шипением испаряются, едва коснувшись моей кожи.

Ну да, у меня богатое воображение.

Дождь остудил мой пыл; я опомнился, раскрыл зонт. Куда ты бежишь, глупец?! Обстоятельства берут тебя в осаду, ставят на укатанную дорогу, пинками в зад гонят по самому привычному пути. Гляди, дознаватель: все сходится! Воистину копия дела о кукле-талисмани! Тут и гадать нечего...

Гадать действительно нечего. Я не гадалыщик, а дознаватель. Легкие дороги ведут в тупик, а то и куда похуже. Сбрасывать со счетов нельзя ничего, и тем не менее мой долг – не жонглировать прежними подвигами, а выяснять новые факты и обстоятельства, находить связи между ними. Устанавливать истину, какой бы она ни оказалась.

Вот, иду выяснять и устанавливать.

И уж я выясню!

2

«Я себе другую бабушку сделаю»

Асами была во дворе: как и вчера, хлопотала под навесом у коптильни. Завидев меня, бухнулась на колени, ткнулась лбом в землю.

- Встань. Ты выказала достаточно почтения.

Жена разносчика встала. Ссутулилась, глядя в землю. Грязь испятнала штаны на коленях, ладони, лоб. Отчистить ее Асами даже не пыталась. Уверен, когда-то эта женщина была красива. Она и сейчас еще не старая. Но поблекла, выцвела жухлой листвой под дождем. Утро Асами миновало слишком быстро¹¹. В лице, во всей позе, во взгляде, в скованности движений прятался страх.

Прятался?! Криком кричал, похвалялся: я, я тут главный! Асами боялась мужа, боялась свекрови, живой или мертвой; боялась меня – и, кажется, боялась за сына. Вон он, пристроился в трех шагах от коптильни. Кормит свою ненаглядную бабушку.

- Твой муж дома?
- Простите, господин! – она снова упала на колени. – Ушел разносить товар.
- Когда он возвращается?

¹¹ Асами – Утренняя красота.

– Как распродается, господин. Обычно в Час Лошади¹². Приходит взять добавку и перекусить.

Сейчас середина Часа Змеи¹³. Дождь, народу на улицах мало. Хорошо, если Мэморю рас торгуется к концу Часа Лошади. Погорячился я. Надо было спокойно ждать перерожденца в управе. Вчера я назначил ему явиться в начале Часа Обезьяны¹⁴, чтобы без спешки подгото вить грамоту о фуккацу. Но пришел горшечник, и вскрывшийся обман старухи вывел меня из себя, швырнул под дождь, на другой конец города...

Ждать Мэморю в его доме? Вернуться в управу?

Хороший дознаватель всегда найдет, чем заняться на пользу делу. Раз уж я здесь...

– Где похоронили мать Мэморю?

Дождевая вода с навеса стекала Асами на лоб. Одна капля попала женщине в глаз. Асами моргнула, отползла назад, Она хотела пригласить меня зайти в дом, под крышу, но не осмели лась. Ничего, зонт меня вполне устраивал. Широно встал в углу двора и по своему обыкнове нию замер. Я его уже различал без помех; наверное, привыкаю.

– На кладбище, господин.

– Понятно, что не в реке. На каком? Где?

– На Саньюри. Тут недалеко.

Почему кладбищам дают поэтические названия? Журавлиный Клин, к примеру. Или Саньюри – Три Лилии. Надо будет у настоятеля Иссэна спросить.

– Недалеко? Это хорошо. Покажешь мне ее могилу.

Она затряслась, как в приступе лихорадки:

– Господин, я...

– Тебе нужно присмотреть за коптильней?

– Да, господин! Простите, господин!

Оказывается, гнева мужа – или свекрови в его теле – она все-таки боится больше, чем меня. Недоглядит за тофу – гнев не заставит себя ждать.

– Это надолго?

– Нет, господин! Тофу почти готов.

– Я подожду. Ты помнишь, где похоронили Котонэ? Сможешь найти ее могилу?

– Да, господин!

И решила с самоубийственной отвагой:

– Может быть, вам лучше подождать в доме? Я быстро!

В дом я входить не стал. Поднялся на веранду, сложил зонт. Асами заглянула под крышку, уверилась, что тофу прокоптился в меру – и принялась выкладывать плотные благоухающие брикеты цвета старого меда на широкую доску. Насколько я знаю, после копчения тофу требуется остыть. Если кладбище и правда рядом – успеем обернуться туда-обратно. А там, глядишь, и Мэморю объявится.

Краем глаза я уловил движение рядом. Маленький Арэта тоже перебрался на веранду – и устроился рядом со мной, деловито сжимая в одном кулачке огрызок лепешки, а в другом – давешнюю куклу.

Вот, кстати, и проверим.

– Ты дашь мне свою куклу, Арэта?

– Берите!

Мальчик с готовностью протянул мне деревяшку, завернутую в грубую ткань. На миг я растерялся: не ожидал, что он так легко отдаст свое сокровище. При ближайшем рассмот-

¹² Час Лошади – с 12 до 14 часов дня.

¹³ Час Змеи – с 10 до 12 часов утра.

¹⁴ Час Обезьяны – с 16 до 18 часов дня.

рении это оказался кусок древесного корня, лишь отдаленно напоминающий человечка. Там, где у куклы предполагалась голова, были неумело выковыряны три углубления: глаза и рот. Небось, сам Арэта и потруился. Правый глаз получился больше левого. Во рту застряла сухая хлебная крошка.

Из одежды на куле была ветхая тряпочка.

Я покосился на мальчишку. Нет, он не следил за мной с нетерпением. Не ждал, приплясывая, когда же ему вернут вожаденную куклу. Каори вела себя иначе: *«Вы принесли мою куклу?!»*

И еще:

«Носилась с ней, под одежду прятала. Не тронь, не попроси – сразу в рев.»

– Ты сам ее сделал?

– Ага!

– Отлично получилось. Ты не против, если я заберу твою куклу? Я хочу показать ее одному мудрому человеку. Он такими вещами очень интересуется. Я потом верну, не сомневайся!

– Да берите насовсем! – беззаботно махнул рукой Арэта, явно кому-то подражая. – Она все равно не ест. Я себе другую бабушку сделаю. Лучше!

– Спасибо. А тебе разве не жалко?

– Жалко, – Арэта насупился, потер кулачком замурзанную щеку. – Бабушку жалко. Холодная, не ест...

– Бабушку – это понятно. А куклу?

– Чего ее жалеть? Я таких сколько угодно наделаю! Берите.

Неловко вышло. Надо бы подарить что-нибудь мальчику в ответ, жаль, ничего подходящего с собой нет. Я-то думал, он в куклу обеими руками вцепится, а он: «Берите насовсем...»

Уже понимая, что в деревяшке нет ничего особенного, что вся связь с делом о куклеталисмани пошла прахом, я бережно спрятал куклу в рукав кимоно. Показывать ее святому Иссэну, как я поначалу собирался, не было никакого смысла. Но не менять же на ходу собственное решение? Вернуть подарок мальчику? Это было бы оскорбительно для него и унижительно для меня.

– ...Господин! Я закончила. Идемте, я вас отведу.

И сыну:

– Сиди дома, Арэта, со двора никуда не выходи. Понял меня?

– Да, мама.

В углу двора ожил Широно, заставив Асами охнуть от неожиданности.

3

Не по закону!

Когда мы подошли к кладбищу, с лилиями стало все ясно.

Три Лилии? Тридцать три, триста тридцать три... В весеннюю слякотную теплынь на кладбище выпал снег. Белый траурный цвет был здесь более чем уместен. Мне казалось, что для лилий еще рановато, но тут они цвели вовсю. Густой сладковатый аромат с прячущимися в нем бальзамическими нотками мешался с запахами дождя и сырой земли. Эта смесь ударяла в голову не хуже крепкого саке.

Меня даже повело в сторону, к краю дорожки, и я с трудом выровнял шаг.

Дождь шелестел по моему зонту, шляпам Широно и Асами, листьям и цветам. В каждом случае шелест был разный, его оттенки складывались в мелодию покоя и умиротворения. Удивительное дело, но здесь, в обители скорби, уныние, нависшее над Акаямой, без боя усту-

пало место иному настроению. Во владениях смерти – свои правила, отличные от правил мира живых.

Сейчас я был даже рад этому.

Раскрывшиеся венчики линий с желтоватыми сердцевинами, покрытые слезинками дождя, походили на высыпавших на сушу бледных морских звезд. Некстати вспомнилась хиганбана, чей запах вел жертв в сети мстительного духа, а в итоге к гибели. Хиганбана ведь тоже лилия, только паучья. Кладбищенский цветок. Но нет, багровых цветов с длинными «ресницами», зловещих и прекрасных, нигде видно не было.

Я тихо порадовался еще раз.

– Пришли, господин. Вот ее могила.

От входа мы успели отойти всего ничего – и сотни шагов не наберется. Сбрызнутые небесной влагой белые погребальные покровы остались позади, воздух почти очистился от тяжелого аромата. Обычная мокрая земля, сочная зелень травы.

Надгробия.

Здесь хоронили людей скромного достатка. Никакой роскоши, каменных оград, величественных надгробий. Плиты, невысокие столбики из камня или дерева с вырезанными на них отрывками из молитв и святых сутр. Таблички с посмертными именами. Кое-где – старые кладбищенские фонари. Из-под покрывавшего их мха проглядывал серый выщербленный камень.

Могила Котонэ выглядела свежей, что и неудивительно: всего месяц прошел. Холмик, плита. Столбик мне по колено. А что еще я ожидал увидеть?

Почему мне кажется, что чего-то не хватает?

– Когда она утонула?

Я в упор посмотрел на Асами. Женщина мгновенно потупилась. Хорошо хоть, на колени не упала.

– Месяц назад, – произнесла Асами едва слышно.

Слова горшечника подтверждались.

– Ее похоронили как положено?

– Да, господин.

– Священник? Молитвы? Похоронный обряд?

– Да, господин. Священник прочел молитвы, провел обряд. Мой муж плакал.

Я снова уставился на могилу – будто надеялся, что из-под земли прозвучит ответ: чего именно здесь не хватает? Духи способны говорить с живыми (*способны, я знаю!*), но тут нет никого, кто мог бы мне ответить. Под холмиком покоится безмолвный и бездушный прах, а дух Котонэ пребывает в теле ее сына.

Я огляделся по сторонам. Приметил в отдалении за деревьями небольшой храм, какие есть почти при каждом кладбище. Разглядел загнутые коньки крыши цвета мокрой глины, ступени, ведущие ко входу. Со стороны храма, пробиваясь сквозь ровный гул дождя, долетало журчание ручья.

Ну, храм, ну ручей. Чем мне это поможет?

Я в третий раз глянул на могилу. Постоял, пытаюсь поймать за хвост ускользающую мысль. Не поймал.

– Я увидел все, что хотел. Возвращаемся.

Вертлявая мысль, едва я перестал ее ловить, сама явилась ко мне, когда мы вернулись к воротам кладбища.

Табличка с посмертным именем. Таблички на могиле не было. Точно, не было. Почему? Спросить у Асами? Без толку. Она не знает ответа, а если и знает, не скажет.

* * *

– Мерзавец! Голову мне морочить вздумал?!

Ухватив тщедушного перерожденца за грудки, я с маху приложил его спиной об забор. В заборе что-то жалобно хрустнуло. Или это в спине? В спине – даже лучше.

– Когда тебя утопили?! Отвечай!

Разносчик поперхнулся: когда я на него набросился, он, как обычно, что-то жевал. Глаза Мэморю вылезли из орбит, лицо обрело цвет панциря вареного краба. Перерожденец отчаянно закашлялся – сотрясаясь всем телом, перхая горлом, отплевываясь. Я поспешил отстраниться – для общего блага. Если он меня заплюет, я ему, паршивцу, все кости перелломаю!

Расторговался Мэморю раньше обычного: когда мы вернулись с кладбища, он был уже во дворе, проверял коптильню. Едва я увидел его, как у меня от голода живот свело и кишки узлами завязались. Сейчас бы кожаную подошву съел! Может, у этого прохвоста еще остался тофу?..

Теперь понятно, почему он так быстро управился. Если и с другими людьми рядом с Мэморю происходит то же самое – это настоящий дар будды для разносчика! Кто его ни увидит – бегом бежит, еду покупает! Полкорзины, не меньше. В три-четыре двора зашел, пару прохожих встретил – вот и с барышом.

Это ж какой талант полезный, а?!

Завидев входящую во двор жену, Мэморю вознамерился устроить ей выволочку: где это она бродит в отсутствие мужа?! Но в итоге без промедления огреб сам.

– ...Нед-да...

– Что?

– Неда-кха...

– Отвечай!

– Неда-кха-кха... Недавно!

Мне отчаянно захотелось вмазать жалкому лжецу кулаком по физиономии. Так, чтобы нос хрустнул. Чтобы кровь... Так захотелось, что даже голод отступил. Не знаю, как я сдержался. Может быть, вовремя вспомнил: в этом тщедушном, но все-таки мужском теле – женщина.

Старуха. Мать.

Бить слабую женщину?

Мои глаза все сказали ему – ей! – ясней ясного.

– Месяц! Месяц назад!

– И это по-твоему недавно?!

– Простите, виновата! Месяц, как этот негодяй меня утопил!

– И месяц ты скрывал... скрывала фуккацу?!!

– Простите, умоляю! Старая я, глупая. Испугалась, растерялась. Думала сперва – обойдется. Ну, вроде как я – Мэморю, поганец этот. А потом не смогла. Уразумела: все одно себя выдам. Да и неправильно это! Не по закону. Верно я говорю? Не по закону, да! Вот я и пришла... Чтоб все по закону, чтобы грамота... А когда, как давно – забыла сказать. Старая я, дряхлая, память дырявая... Вы уж простите меня, дуру окаянную...

Забыла она, как же. О законе вспомнила, вот прямо сейчас! Вот про «все одно себя выдам» – это, похоже, правда.

– Тебе известно, что за сокрытие фуккацу положено наказание?

Молчит, в землю смотрит.

– Суровое наказание! Чтобы другим неповадно было.

Сгорбился, лицо прячет. На лице – страх, ужас. Не спрячешь, я все вижу.

Пожалуй, достаточно.

– Явишься завтра к Часу Лошади в управу Карпа-и-Дракона. Решу, что с тобой делать, какое присудить наказание. И попробуй только не явиться! Рассказать, что тогда будет?!

– Н-не надо! Простите!

– Смотри у меня!

– Смотрю! Простите! Я приду! В Час Лошади!

Уже на выходе из квартала, хлюпая деревяшками гэта по кривой и грязной улице, я вспомнил, что не спросил у перерожденца: почему на могиле нет таблички с посмертным именем. Мое упущение. Но не возвращаться же теперь?

Завтра явится в управу – спрошу.

Глава пятая

Остров для родной матери

1

Страх порождает черных демонов

Не иначе, вчерашнее утро получило сегодня новое рождение. Все повторялось в точности. Унылый мелкий дождь зарядил, едва я вышел за ворота. Возвращение за зонтом. Моя постыдная спешка. Невозмутимо вышагивающий позади Широно...

– К вам посетитель, Рэйден-сан, – уведомил секретарь, едва я переступил порог. – Ждет в общей приемной.

– Благодарю, Окада-сан.

Если ко мне снова заявился сосед-горшечник... Нет, не горшечник.

– Я велел тебя явиться в Час Лошади! А ты когда пришел?

– Умоляю сжалиться...

– Иди вон отсюда! Вернешься, когда назначено.

– Прошу, простите!

Кажется, Мэмору стоило немалого труда заставить себя опуститься передо мной на колени. С чего бы это? Какой-то разносчик... Ничего, справился. Опустился. Ткнулся лбом в пол.

– Не гоните, прошу! Я пришел с заявлением. Она ушла!

– Кто ушел? Кто пришел?

– Я пришел! А она ушла!

– Она? Да кто же это?!

– Она... Он... Дух моей покойной матушки!

– Следуй за мной.

Надеюсь, я ничем не выдал волнения, пока шел по коридору, даже не проверяя, следует ли за мной Мэмору. Без спешки расположился за столом в своем кабинете. Выдержал паузу, не глядя на разносчика и лишь краем глаза следя за устраивающимся в углу Широно. Все, слуга готов записывать. Потянуть время? Помучить Мэмору ожиданием? Это бывает полезно – проверял не раз. Вон, разносчик уже весь извертелся на цинковке для посетителей.

Ладно, достаточно.

– Приступим. Назови себя.

– Мэмору я! Мэмору с Малого спуска! Разносчик тофу!

– Позавчера ты приходил с заявлением о фуккацу. Утверждал, что ты – Котонэ, мать Мэмору в его теле.

– Не было фуккацу! Не было! Она вас обманула!

– Не нужно так кричать.

– Простите...

– Допустим, ты действительно Мэмору...

– Мэмору я! Кого хотите, спросите...

– Не смей перебивать дознавателя!

– Простите, виноват...

Интонации? Тембр? Вроде, мужские – с поправкой на общую тщедушность Мэмору. Старушечьи шепотки, смешки? Нет, ничего такого. Хочется ли мне есть? Хочется, но не слишком.

– Допустим, ты действительно Мэмору. Допустим, ты говоришь правду, и позавчера твоими устами говорил дух твоей покойной матери...

– Моими – чем? Ох, простите, молчу, молчу...

– Допустим, все так и есть. А теперь объясни мне, Мэмору с Малого спуска: каким образом дух твоей матери оказался в твоём теле, если фуккацу не было?

– Он... она... Ее дух... Он это... овладел мной! Я ничего не мог сделать! Ничего сказать! Она за меня ела, ходила, говорила... Это не я вас обманывал – про фуккацу! Это все она! Моя матушка. Хотела подлецом меня выставить, убийцей!

Я покосился на Широно. Его кисть так и летала над листом бумаги.

– Допустим. Почему же дух матери вселился в тебя? Почему хотел очернить?

Мэмору засопел, опустил взгляд.

– Не ладили мы с матушкой. Ругались часто. Вот, видно, и затаила на меня зло. Явилась после смерти и это... Вселилась. Чтобы жизнь мне портить! Знаете, как страшно было?!

– Не сомневаюсь. А теперь она где?

– Ушла! Как есть ушла! Нет ее больше! Испугалась!

– Испугалась? Чего?

– Вас!

– Меня?

Я чуть умом не тронулся.

– Вас! Как услышала вчера, что обман ей с рук не сойдет, так и оставила меня в покое! Тысяча благодарностей! Избавили вы меня от нее, зловедины...

– Дух твоей матери устрасился наказания за сокрытие фуккацу?

– Как есть устрасился! Вы бы, небось, меня в ссылку на север, в голодные края отправили? За обман, да? Или на Остров Девяти Смертей, где все с голоду пухнут? Вот она и испугалась! Помирать в моем теле второй раз? Нет уж, дураков нет! Сбежала, мерзавка, ищи-свищи! И фуккацу никакого не было. Я матушку не убивал – она сама утонула! Я ее спасти хотел, да не успел...

Дознаватель Рэйдэн, гроза мстительных духов? Отлично звучит, спору нет! А я-то прикидывал по дороге в управу, какое назначить старухе наказание за сокрытие фуккацу. Учтите, с одной стороны, добровольную явку, а с другой – попытку обмана. Штраф? Общественные работы сроком от полугода до года, если штраф не сможет выплатить? Порку плетьюми? Если порку, то прилюдную или нет?

Но уж всяко не ссылку, тем более на Остров Девяти Смертей. Только откуда Мэмору и его матери об этом знать? Я в свое время тоже не знал. Правду говорят: страх порождает черных демонов¹⁵!

– Значит, дух ушел?

– Ушел!

– Теперь мне придется провести повторное дознание, чтобы удостовериться: ты – это действительно ты, Мэмору с Малого спуска.

– Воля ваша, только это я и есть.

– Вот и выясним, так ли это.

– А когда выяснять-то будете? Прямо сейчас? А у вас поесть чего-нибудь не найдется? А то с утра ни крошки во рту... Она все жрала, а мне как не в себя. Морила меня, соки пила...

– Тут тебе не харчевня!

– Ну, может...

– Пошел отсюда! Когда надо, тогда и выясню!

– А все-таки...

¹⁵ Японский аналог пословицы «У страха глаза велики».

– Чтоб духу твоего здесь...

Разносчика как ветром сдуло. Может, я и правда гроза духов? Нет, не стоит себе льстить. Я сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, постепенно замедляя дыхание. Живот отпустило с неохотой.

Отпустило.

– За мной, – приказал я Широно, вставая.

2

Это началось сразу?

Если горшечник не идет к дознавателю, дознаватель сам идет к горшечнику. Идет? Бегом бежит! Нетерпение и азарт гнали меня вперед не хуже шайки грабителей, преследующих запоздалого прохожего. К ним присоединилась злость – нахлестывала плетью по спине, добавляла прыти.

Длинноногий Широно едва не отстал.

Дождь прекратился, но едва закончились мощеные улицы, под ногами принялось хлюпать да чавкать. Пришлось замедлить шаг: сандалии скользили в грязи, того и гляди, в лужу шлепнешься. И как только Широно в своих чудовищных гэта ухитряется не падать, даже не оскальзываться? Прикажу, пусть и меня научит...

Горшечник никуда не денется, уговаривал я себя. Допрошу его чуть позже – какая разница? Но сердце плевать хотело на доводы рассудка. В итоге мне с немалым трудом удалось их примирить на срединном пути: буду спешить, но не сломя голову.

До Малого спуска я добрался быстро: еще Час Лошади не пробил. Заставил себя остановиться у поворота, перевести дух. Негоже дознавателю заявляться к свидетелю, храпя как загнанная лошадь!

Ну вот, порядок. Можно...

Я едва успел увернуться от нагруженной горшками тележки-двуколки, неожиданно возникшей из-за угла. Впору было решить, что некий злоумышленник нарочно подкарауливал здесь Торюмона Рэйдена, чтоб опрокинуть в грязь!

Тележку резво толкали два работника, коренастых и кудлатых, похожих друг на друга как близнецы. Близнецы и есть. Даже одеты одинаково: серые куртки, штаны цвета окружающей грязи. Не так заметно, когда запачкаешься.

– Простите, господин, простите! Тысяча извинений! Они не нарочно, господин! Просто болваны! Прут не глядя... Вот я вас, косоруких! Да кланяйтесь же, дурачье! Просите прощения!

Позади работников приплясывал, заламывая руки, хозяин тележки – судя по одежде, торговец средней руки. Близнецы, запоздало вняв словам хозяина, тоже принялись кланяться и бубнить извинения. Оставленная без присмотра тележка, не успев ткнуться ручками в землю, попыталась скатиться назад, под уклон, но далеко не укатилась: левое колесо наехало на ногу одному близнецу, правая ручка чувствительно въехала под дых другому.

Оба дружно заорали.

Хозяин всплеснул руками, разрываясь между двумя необходимостями: обругать бестолковых работников и продолжить извиняться перед господином. С трудом сдержав смех, я махнул ему рукой – извинения приняты, катитесь своей дорогой! – и, обогнув злополучную тележку, направился к дому горшечника, до которого было рукой подать.

Судя по содержимому тележки, тщательно переложенному соломой, Сэберо только что заключил неплохую сделку, продав едва ли не половину товара, который я видел у него во дворе.

– Доброго дня, господин! Ваш приход – большая честь!

Я нашел горшечника на заднем дворе, возле печи для обжига, из которой Сэберо выгребал скопившуюся золу. Завидев меня, он мигом вскочил, отряхнулся, окутавшись, словно демон из ада, облаком невесомого пепла.

- Добрый день, Сэберо. Помнишь, что ты говорил в управе?
- Конечно помню, господин! Я к вашим услугам!
- Хорошо. У меня к тебе возникли вопросы.
- Прошу в дом, господин! Что знаю – все отвечу, не сомневайтесь.

В дом я не пошел, расположившись на веранде. Сэберо сутился, стараясь угодить: притащил вышитую подушку – мне, две циновки – себе и Широно. Предложил заварить чаю, но я отказался. Угодливость Сэберо мне не нравилась. Пытается задобрить дознавателя? Я не раз имел возможность убедиться: так ведут себя те, кому есть, что скрывать.

Но иногда – просто с перепугу и от чрезмерного почтения. Архивариус Фудо любит говорить, что почтение чрезмерным не бывает, но тут я позволю себе с ним не согласиться.

– Ты говорил, после смерти матери твой сосед Мэмору начал больше есть? И по временам заговариваться?

- Так и есть, господин! Чистая правда.
- А когда это с ним началось?
- Так я уже сказал: после смерти его матушки!
- Это началось сразу? Сразу после того, как его мать утонула?

Сэберо наморщил лоб.

– Дайте-ка вспомнить... Нет, не сразу. Точно, не сразу! Дней через десять... Или больше? Не помню точно, уж простите.

Очень интересно!

- Мэмору с матерью ладил? Или нет?
- Ну как это, господин дознаватель? Чтоб с родной матушкой и не поладить?
- А сам в сторону смотрит, взгляд отводит.
- Не врать мне!

Я с маху хлопнул ладонью по доскам веранды. Звук вышел что надо. Хлипкая веранда сотряслась, горшечник аж подпрыгнул:

- Простите, господин, простите! Ну, не то чтоб совсем ладил...
- Точнее, Сэберо! За ложные свидетельства знаешь, что бывает?! Я ведь все равно дознаюсь.

Ну да, на то я и дознаватель. Иногда полезно дать волю чужому воображению: человек сам себе таких кар напридумывает, каких отродясь не заслужил. Ну что, горшечник, представил, что тебя ждет, если врать станешь?

– Слушаюсь, господин! Неладно Мэмору с матушкой своей жил, ох, неладно... Все в округе знали, все соседи... И я знал. Только молчали. Не лезли. Это ж их дело? Семейное? Верно?!

Я сделал непроницаемое лицо, ничем не давая понять, согласен я со словами Сэберо или нет. И он сорвался: заговорил, заторопился, сбиваясь и брызжа слюной от усердия:

– Уж не знаю, с чего у них все началось... Поссорились они. Крепко! Мэмору, в смысле, с матушкой его. С год назад, вроде... Точно, с год! Мы все слышали, как они друг на друга орут. Так рассорились, что и не помирились больше. До самой ее смерти, да!

Сэберо судорожно сглотнул, дернув кадыком.

– А потом Котонэ заходить перестала. К соседям, в смысле. Ко мне, к Эйта, к остальным. Раньше-то она часто... Когда по делу, а чаще так просто. Ох, языкатая была! Вредная! Вы уж простите, господин. Нехорошо так о мертвой, но вы ж велели – всю правду. Вот я и...

Заискивая, он искал взглядом моего одобрения. Я по-прежнему сохранял бесстрастный вид. Хотелось надеяться, что сейчас я хоть немного походил на господина Сэки в те моменты, когда начальство вело дознание.

Не дождавшись поддержки, Сэберо тяжело вздохнул:

– Перестала, значит, заходить. То ли сын ее запирал, то ли сама на нас всех зла была...

– За что?

– Что не вмешались, сына не пристыдили. Ее сторону не взяли. А кому оно надо, в чужие ссоры влезать? Никому не надо! Через время видим – исхудала Котонэ. И чем дальше, тем больше. Нишенки на базаре, уж простите, краше выглядят. Может, заболела, думаю? Мало ли? А потом слышно стало, как она ночами воет! Страшно так, жалостно...

Он дернул себя за левый ус:

– Еды у сына просила. А тот или не отвечал, или кричал: нету, мол! Нету для тебя еды! А сам-то ничего, не голодал. И жена его, и сынок...

– Так что ж он ее, голодом морил? – не выдержал я. – Родной сын?!

– Морил, еще как морил! – Сэберо непонятно почему усмотрел в моих словах поддержку и обрадованно закивал. – Не знаю, как она год продержалась-то! Видно, все-таки давал ей что-то, малость малую... А может, парнишка украдкой подкармливал...

– Внук, Арэта?

– Ну да, он самый. Он-то бабушку любил, это точно...

– А Асами?

– А что Асами? Нет, она мужа всегда боялась. Что скажет, то и делает.

– Значит, сын морил мать голодом. И что дальше?

Не давать матери еды – или почти не давать – это ведь не убийство? Могла, в конце концов, по соседям побираться, на базаре попрошайничать, воровать, властям на сына пожаловаться... Нет, не убийство. Значит – никакого фуккацу. Такой, значит, Остров Девяти Смертей внутри одной семьи, одного дома. Личный Остров для родной матери.

Меня передернуло. Очень надеюсь, что это не отразилось на моем лице.

– А что дальше? Дальше он на речку ее повел – мириться. Это сам Мэмору так потом рассказывал. Врал, думаю, но точно не скажу. Может, и правда? А она возьми и утони... Толкал он ее, не толкал – кто теперь дознаётся?

– Я дознаюсь. Это все?

– Все, господин. Клянусь, ничего не утаил!

То ли Мэмору устал ждать, пока мать помрет от голода, то ли всё же опасался возможного фуккацу – мало ли! – и решил подстроить дело так, чтобы мать сама упала в реку и утонула. И в итоге просчитался. Или не просчитался?

«Десять дней или больше...»

Кажется, пришла пора наведаться в обитель Вакаикуса.

3

Свидетельство истинной святости

С визитом в обитель у меня не вышло. Посыльный юркой ящеркой выскользнул из ворот Правительственного квартала, когда я поравнялся с ними и совсем уж собрался пройти мимо. До управы рукой подать, но делать мне там было совершенно нечего. Незаконченное дознание ждало завершения, вопросы без ответов жгли язык. Сейчас я нуждался в советах святого Иссэна, как никогда раньше.

Но судьба и господин Сэки решили иначе.

Увидев меня, посыльный просиял: воистину, и собака натывается на столб¹⁶! Теперь не нужно бить ноги, с языком на плече искать дознавателя Рэйдена непонятно где.

– Рэйден-сан! Господин Сэки велел вам передать! Он ждет вас у себя с докладом в начале Часа Овцы¹⁷!

Резко остановившись, я ощутил себя той самой собакой, налетевшей на столб. Всеми мыслями и чаяниями я был уже в обители Вакаикуса, излагал историю этого дела, выслушивал мудрые советы...

Но с начальством не поспоришь, особенно если у тебя их два.

– Да, я понял.

Пришлось идти в управу. Час Лошади уже пробил, до начала Часа Овцы оставалось не так много времени. Раз не удалось навестить святого Иссэна лично, напишу ему записку. Кратко изложу все самое существенное и спрошу совета. Пусть назначит время, когда мне к нему явиться, или ответит письмом – как сочтет нужным.

Закончив писать, я вложил послание в бамбуковый футляр и вручил его Широно.

– Быстро отнеси это в обитель Вакаикуса святому Иссэну. Дождись ответа и сразу ко мне. Все ясно?

– Да, господин.

«Господин»? А ведь верно! Он... она ни разу...

– Стой! Дай сюда письмо.

Я торопливо сделал приписку внизу послания и вернул письмо Широно.

– Теперь иди. Поспеш!

Далекie удары храмового колокола, возвещавшие начало Часа Овцы, застали меня в приемной господина Сэки.

* * *

– Рэйден-сан? Ваша точность делает вам честь. Надеюсь, с делом, которое вы ведете, все обстоит так же хорошо, как с вашей пунктуальностью. Отчет готов?

Можно подумать, он не заметил, что я заявился к нему с пустыми руками. Карп, высунувшись из волн на стене, наблюдал за мной с насмешливым интересом: как-то я буду выкручиваться, не оправдав высоких ожиданий?

Выкручиваться я не стал.

– Виноват, господин Сэки! – я ткнулся лбом в пол. – Дознание еще не закончено.

– Я был о вас лучшего мнения, Рэйден-сан.

– Виноват!

– Вы тянете с вердиктом третий день!

– Я достоин самого сурового наказания!

– Это уж мне решать, чего вы достойны. Докладывайте, почему затянули расследование?

В брюзгливости вопроса прятался интерес. Кто другой и не заметил бы, но три года службы под началом Сэки Осаму сделали меня знатоком перемен начальственного настроения. А еще я прекрасно понимал, что господин Сэки намеренно позволил мне услышать его интерес. Уж чем-чем, а голосом этот человек владел не хуже ведущих актеров Кабуки – и сейчас счел возможным слегка ободрить меня, ничтожного.

Я с готовностью ободрился и изложил.

¹⁶ Нежданная удача или, напротив, неудача.

¹⁷ Час Овцы – с 14 до 16 часов дня.

– Значит, все-таки Дракон-и-Карп, – задумчиво подытожил господин Сэки после долгой паузы. – А ведь выглядело как заурядное фуккацу... Вам следует поставить в известность святого Иссэна.

– Да, Сэки-сан! Это воистину мудрое решение!

– Не морочьте мне голову, лстец. Уверен, вы уже были у него или вот-вот собирались.

– Я отправил в обитель слугу с посланием. Жду ответа.

– Хорошо. Не вздумайте предпринимать какие-либо действия без его одобрения!

– Да, Сэки-сан! И без вашего?

– Когда это вас интересовало мое одобрение? По-моему, это дело необычно даже для Дракона-и-Карпа. Я требую от вас предельного внимания и осторожности!

– Слушаюсь, Сэки-сан!

* * *

Широно вернулся так быстро, что ввел меня в заблуждение. Я уж было решил, что он не нашел святого Иссэна, а то и вообще не добрался до обители – и собрался устроить слуге хорошую взбучку. Но он, поклонившись, вручил мне футляр с ответом настоятеля. Широно, хитрец, ты что, на лошади скакал? Кто позволит разъезжать на лошади слуге, да еще и в маске каонай?! Или ты умеешь летать, как говорят рассказчики удивительных историй?

Я вскрыл футляр.

Уважаемый Рэйден-сан,

Сообщите, где похоронена эта женщина, есть ли рядом с местом ее погребения храм – и, по возможности, ручей при нем.

Содзю Иссэн из храма Вакаикуса

Вот оно, свидетельство истинной святости! Законы кармы и суть милостей будды Амида непостижимы для простых смертных. Точно такой же загадкой оказалось для меня и ответное письмо настоятеля Иссэна. Храм? Ручей? Святой человек, никаких сомнений!

Несмотря на общую загадочность послания, вопросы в нем содержались конкретные. Я вспомнил кладбище Три Лилии, могилу без таблички с посмертным именем – опять забыл спросить у мерзавца-перерожденца, куда она подевалась! – храм за деревьями, журчание ручья...

Написав новое письмо, я предупредил Широно: если к его возвращению начнут закрывать квартальные ворота – пусть идет прямо к нам домой. Но он успел сбегать и вернуться – незадолго до закрытия управы. Второе послание настоятеля содержало подробные и вполне понятные инструкции. Завтра нам предстоял интересный день.

4

Только не в храме!

– Поставь корзины на место. Пойдешь со мной.

Мэмору вздрогнул. Втянул голову в плечи, словно ожидая удара, медленно обернулся. Выполнять указание он, впрочем, не спешил. Так и стоял, держа на плечах шест с корзинами, доверху полными творога. Ноша ощутимо гнула разносчика к земле. Хорошо, что я застал его дома. Ушел бы торговать – ищи его по всему городу!

Мэмору что-то прожевал, сглотнул – на шее дернулся острый кадык.

– Доброго вам утречка! А можно узнать, зачем?

– Можно, – смилостивился я. – Тебя желает видеть святой Иссэн, настоятель обители Вакаикуса.

– Чем недостойный разносчик тофу заслужил такую великую честь?

Страх, растерянность. И на лице, и в голосе. Вполне ожидаемо.

– Тем, что заврался! – не отказал я себе в удовольствии. – Тем, что уже и не понять, кто ты таков на самом деле!

– Мэмору я! Мэмору! – он мотнул головой вправо-влево, указывая на корзины в подтверждение своих слов. – С Малого спуска!

Иногда для убедительности притопнул: вот он, Малый спуск! Живу я здесь, сами видите!

– Вот настоятель Иссэн в доброте своей и согласился помочь выяснить, кто ты есть на самом деле. Он святой, всех насквозь видит! Если ты и правда разносчик – тебе опасаться нечего. Ты же не боишься встречи со святым Иссэном?

– Я? Боюсь?! Это честь для меня. Праздник! Идемте.

Он сгрузил корзины под навес и решительно направился к воротам. Всем своим видом Мэмору показывал: это я-то боюсь? Просто хочу, чтоб все поскорее закончилось.

Что ж, тут я был с ним согласен.

Сегодня дождя не было, но и солнце не показывалось. По небу слоями, один над другим, неслись серые тучи. Казалось, наверху идет большая драка сразу на нескольких небесах – и над головами смертных летят клочья рваных кимоно. Странно, что небожители сплошь рядились в однотонные одежды. Или это они нападение демонов отбивают? Тогда все хорошо: от демонов серые клочья летят, а благородные небожители потерь не несут!

В земном мире царила влажная теплынь. Не будь ветра, налетавшего с горных склонов, была б духота. А так – тревожное предчувствие. Грозы? Чего-то еще?

Дышалось легко, полной грудью.

– Обитель Вакаикуса – это ведь далеко? За городом?

– Да.

– А как же моя работа? Мне торговать надо. Иначе что я есть буду? Чем семью кормить?

Поначалу Мэмору шел за мной молча. И вот – не выдержал.

– Мы идем не в Вакаикуса. Тут недалеко.

Оборачиваться я не стал: и так услышит. Последним в нашей маленькой процессии шел Широно, отрезая разносчику путь к отступлению.

«Возьмите с собой несколько крепких помощников,» – было написано в послании настоятеля. Это старик погорячился. Что я, сам с замухрышкой-Мэмору не справлюсь?! Святой Иссэн его и не видел-то. Если б видел, не стал бы про помощников писать. Да и где я их возьму? Других дознавателей на помощь позвать? Отцовских стражников? Попросить Хизэши, чтобы кого из полиции мне выделил? Хизэши не откажет, выделит. Только когда помощники увидят, с кем дело иметь придется...

Вся Акаяма месяц надо мной потешаться будет!

– Не в Вакаикуса? А куда?

Дома расступились. Кривая улочка вывела нас напрямиком к Трем Лилиям – замшелые ворота кладбища виднелись в сотне шагов впереди.

– Святой Иссэн ждет тебя неподалеку.

– На кладбище? Святой Иссэн ждет меня на кладбище?!

Голос Мэмору плеснул неподдельным ужасом. Ну да, мало кто приходит в восторг от посещения кладбища.

– Я не сказал: на кладбище. Я сказал: неподалеку.

Вспомнил! Я ведь собирался спросить его.

– Кстати, куда подевалась табличка с посмертным именем?

– Какая табличка?! С каким именем?!

– Табличка с могилы твоей матери. С ее посмертным именем. Таблички там нет.

– Не знаю! Я не знаю!

Голос Мэмуру сорвался на визг:

– Была! Сам видел!

Врет, уверился я. Все он прекрасно знает. Но не учинять же дознание прямо на ходу? Придем на место – все расскажет, никуда не денется. Если не мне, так старому настоятелю.

Вдоль кладбищенской ограды тянулась тропинка: скользкая, глинистая. Похоже, она вела к храму, примеченному мной ранее. В ворота я заходить не стал, свернул правее. Мэмуру выдохнул с явным облегчением. Ноги заскользили по мокрой глине, я едва не упал. В итоге пошел по траве, рядом с тропинкой. Мэмуру молчал-молчал, а там опять забормотал у меня за спиной:

– Может, лучше завтра, а? Сегодня мне работать надо. И кушать очень хочется. Я Эйта должен, за тофу. Если не распродам, не смогу долг отдать. Не смогу долг отдать – есть нечего будет... А есть уже хочется. Очень хочется...

– Потерпишь! – рявкнул я через плечо, заглушая бурчание в собственном животе. – Или ты думаешь, святой Иссэн будет ждать тебя до завтра?!

– Святой Иссэн – это да, конечно... Честь, великая честь!.. А где он меня ждет?

– Недалеко. Считай, пришли.

Кладбище по левую руку закончилось. Тропинка свернула, нырнув в заросли молодого бамбука. По обе стороны потянулся сплошной частокол растущих едва ли не впритирку стволиков, сливаясь в единую зеленую массу, расчерченную частыми вертикальными линиями. Закончились бамбуковые заросли шагов через тридцать так же резко, как начались: словно их мечом обрубили.

Впереди простирался обширный болотистый луг. Слева сочилось прядями тумана кладбище. И ветер этот туман не берет! Справа начинался лесок. Сосны и криптомерии здесь росли как на подбор – словно состязались, кто из них вымахает прямее и выше.

А на другой стороне луга на невысоком каменистом холме стоял храм. Он вырастал из холма, казался его естественным завершением. Серый камень стен понизу оброс мхом; крыша цвета мокрой земли походила на шляпку гриба *мацутаке*¹⁸. Ступени, ведущие к храму, были вытесаны из плоти самого холма, составляя с ним одно целое.

До слуха донеслось знакомое журчание. Я различил тусклый блеск ручья, извивавшегося у подножия.

«Приведите разносчика в храм у кладбища Сангьюри. Я буду ждать вас там на исходе Часа Дракона¹⁹.»

Это ж в какую рань должен был подняться святой Иссэн, чтобы оказаться здесь, на другом конце города, к исходу Часа Дракона? К слову, я сегодня тоже встал рано, так что начало Часа Дракона храмовый колокол возвестил лишь недавно. Выходит, это я буду ждать настоятеля в храме, а не он меня. Ничего, подожду. Вот опоздание с моей стороны было бы воистину непростительно.

– Это что же, храм? Зачем – храм?

Если возле кладбища в голосе разносчика звучал страх, то сейчас он, похоже, готов был удариться в панику. Что это с ним сегодня?! Заявиться в управу, врать в глаза дознавателю – не побоялся. А тут...

– Здесь с тобой встретится святой Иссэн.

Я обернулся к Мэмуру. Заговорил медленно, отдельно, выговаривая каждое слово с предельной четкостью, как будто имел дело с глуховатым дурачком:

– Идем. Ты же хотел поскорее все выяснить?

¹⁸ Гриб мацутаке – японский съедобный гиб со специфическим сосновым ароматом и изысканным вкусом.

¹⁹ Час Дракона – с 8 до 10 часов утра.

– Хотел, да, хотел...

Он замедлил шаг:

– Выяснить, да... Только не в храме! Зачем – в храме? Не надо – в храме! Может, прямо тут, а? Я тут подожду, а вы святого Иссэна приведете...

– Шевелись, кому сказано!

Тропинка петляла змеей в сочной траве. Не успел я сделать и пяти шагов в полной уверенности, что разносчик следует за мной, как Мэмору с невероятной прытью сорвался с места и помчался к опушке леса. Первым моим порывом было броситься за стервецом в погоню. Я даже сделал два поспешных шага – и нога по щиколотку увязла в болотистой почве. Какой там бежать! Тут и идти не особо получится.

А Мэмору все нипочем! Несется, едва касаясь сандалиями земли – и не вязнет. Гляди, уже добрался до опушки...

– Стоять!!!

Куда там! Так он меня и послушал.

«Возьмите с собой несколько крепких помощников...» Какой же я глупец! Меня ведь предупредили, а я? Решил, что люди станут смеяться, понадеялся на себя, дурака... Смотри теперь, как он удирает, и кляни свою гордыню!

Что я скажу настоятелю?!

В тот момент, когда от невыносимого стыда я уже готов был свести счеты с жизнью, Широно сорвался с места. Мэмору оказался на диво проворен, но я еще ни разу не видел, чтобы кто-то бегал так, как мой новый слуга. Шаги его, и без того широкие, удлинились неимоверно, а ноги замелькали с такой скоростью, что слились в призрачный веер. Слуга буквально поглощал расстояние между тропой и опушкой – и нырнул в лес вслед за беглецом.

Сосны и криптомерии стояли редко, подпирая стволами небо. Лес был на удивление светлый – несмотря на отсутствие солнца – и я хорошо видел, что там происходит. Заметив погоню, разносчик прибавил ходу, запетлял меж стволами. Широно же, оказавшись в лесу, будто слился с ним, попав в родную стихию. Рыба в воде, он не бежал – скользил, тек. Казалось, он движется по прямой, не сворачивая, а деревья сами уступают бегуну дорогу.

Мышь и ястреб, пришло на ум.

Ястреб настиг мышь играючи. Пал на добычу, мощным пинком сбил разносчика с ног. Мэмору перевернулся на спину, отчаянно заверещал, брыкаясь и отбиваясь. Словно молот, взлетел и опустился увесистый кулак: один, всего один раз. Мэмору обмяк, растянувшись на земле. На миг я даже испугался: не перестарался ли Широно?

Не убил ли беглеца?!

Как ни в чем не бывало слуга вскинул тщедушное тело на плечо и направился обратно – быстрым шагом, но уже не бегом. По ухваткам можно было не сомневаться: проделывать такие штуки для Широно не впервой. На службе у господина Абэ натакался, не иначе. Опыт не спрячешь, а значит, и удар был отмерен точнехонько.

Жив разносчик, просто сознания лишился.

– Мерзкий каонай!

В первый миг я решил, что Мэмору очнулся. Но нет, жалкое тельце продолжало кулем свисать с плеча Широно. Руки и ноги разносчика безвольно болтались при каждом шаге моего слуги. И тем не менее Мэмору отчаянно вопил и ругался.

– Отпусти меня, дрянь! Грязная тварь! Гадина!

Голос у него сделался нутряной, нечеловеческий:

– Гадюку тебе в печенку! Земли могильной полный рот!

Затем я услышал знакомый старушечий визг:

– Чтоб вы все сдохли! Все!..

Когда Широно подошел ближе, я разглядел, что глаза Мэморю закрыты. Лицо – оплывшая маска. Рот приоткрыт, из него тянется, покачиваясь в такт шагам Широно, ниточка слюны. Губы разносчика не шевелились – так, слабо подергивались. Тем не менее, изо рта Мэморю продолжали извергаться брань и проклятия, словно их выкрикивал не разносчик, а некто, спрятавшийся *внутри него*.

У меня по спине прошел невольный холодок. Я знал, кто там, *внутри*. По крайней мере, думал, что знаю. Заткнуть ему рот, чтоб не орал? А вдруг задохнется? Ну его! Перетерплю, не помру. А там – как святой Иссэн скажет.

– За мной, – велел я Широно.

И направился по тропинке к храму.

Глава шестая

Мне нет прощения

1

Не страсть, а наказание

– Доброе утро, Рэйдэн-сан.

Он стоял на ступенях храма, сложив руки перед грудью – не в молитве, а так просто, по привычке. Он едва заметно улыбался. Ряса цвета шафрана из простой грубой ткани, соломенная шляпа, лицо изрезано многочисленными морщинами. К левой ноге настоятеля, словно лающая кошка, льнула вместительная котомка. Судя по виду – весьма увесистая. Как и дотащил-то?! Неужели не мог послушников в помощь взять?

Кроме настоятеля, никого видно не было. Может, сопровождающие сейчас в храме?

– Доброе утро, Иссэн-сан! Я думал, буду вас ждать. Но вы всегда успеваете первым!

– Бессонница, – голос настоятеля прозвучал виновато, как если бы он оправдывался перед вышестоящим. – В мои годы час здорового сна – уже подарок судьбы. Я видел от храма, как ваш подопечный пытался сбежать. Мои поздравления, Рэйдэн-сан. Вам очень повезло с новым слугой. Такое наследство от покойного господина Абэ – истинное сокровище. И поверьте, я знаю, что говорю.

– Благодарю, Иссэн-сан.

Я тайком попенял себе, что так и не выбрал время переговорить со своим длинноносим наследством с глазу на глаз. Где Широно заполучил столь примечательную внешность? Как пошел на службу? Как попал к господину Абэ?! Дело разносчика Мэмору, которое поначалу казалось подарком судьбы, превратилось в истинное проклятие, забирая все силы и время без остатка.

– Раз вы уже здесь, – продолжил настоятель, – думаю, не стоит откладывать. Мы можем приступить прямо сейчас.

Очень хотелось спросить, к чему мы собираемся приступить. Но я сдержался. Старик без сомнения все мне объяснит, когда сочтет нужным.

– Пусть ваш слуга отнесет его в храм.

Я кивнул Широно, подтверждая распоряжение настоятеля. Но едва слуга с Мэмору на плече начал подниматься по ступеням к храму, как примолкший было разносчик завопил изо всех сил:

– А-а-а-а! Не надо! Жжет! Жжет! А-а-а-а!!!

Тело на плече Широно задергалось, извиваясь полураздавленным червяком и молотя по воздуху руками и ногами. Не только по воздуху – часть ударов доставалась Широно. Видно было, что слуге стоит большого труда удерживать бьющегося Мэмору.

– Назад! – торопливо махнул рукой настоятель.

Я, не раздумывая, повторил его жест и приказ.

Широно попятился, оступился, но все же не упал, а ловко сбежал со ступеней к подножью холма, развернувшись на ходу спиной к храму. Едва он сошел с лестницы, Мэмору перестал биться, снова безвольно обвиснув мокрым тряпьем. Он лишь тихо и жалобно скулил, будто истощенная плетью собака.

– До сих пор у меня были сомнения, – пробормотал настоятель, кивая в такт каким-то невеселым размышлениям. – Но теперь... Рэйдэн-сан, у вас найдется прочная веревка? Я, признаться, не захватил...

Веревки у меня не нашлось. Нас – уже во второй раз за сегодня – выручил Широно. Сгрузив разносчика наземь, он слегка наступил на него – чтобы снова не сбежал, если вдруг очнется! – а сам сбросил с плеч котомку и извлек из нее изрядный моток веревки, на вид вполне крепкой. Зачем понадобилась веревка, было очевидно, и святой Иссэн не замедлил подтвердить мою догадку:

– Свяжите его, чтоб не сбежал. А я пока буду готовить обряд.

– Какой обряд?

Все-таки я не сдержался. Вот ведь стыд, а? К счастью, старый монах – *старший дознаватель!* – ничуть не рассердился на глупого юнца, незнакомого с обходительностью.

– Обряд *сэгаки*, Рэйдэн-сан.

* * *

Храм был чист и пуст: ни пыли, ни паутины. Пол тщательно подметен. Голый алтарь без покрывала, табличек, свитков: три ступеньки из полированного темно-красного туфа. Две скромные статуэтки будд и одна – бодисатвы Каннон. Две пустые курильницы. Две каменные чаши для подношений, тоже пустые.

Видно, что храм не заброшен, но приходят сюда редко. Зато прибираются регулярно. Или это святой Иссэн успел постараться?

– Можете задавать свои вопросы, Рэйдэн-сан, – в пустом храмовом пространстве тихий голос настоятеля прозвучал неожиданно гулко, эхом отразившись от стен. – Вы мне несколько не мешаете.

– Тысяча благодарностей, Иссэн-сан! Вы очень добры ко мне, бестолковому!

Широно привязал разносчика к молодой иве в двух шагах от ручья. Нахлобучил на голову Мэморю его же шляпу – когда и подобрать успел? Начал накрапывать дождь: мелкий, нудный. Разносчик еще не пришел в себя, а может, притворялся: обвис на веревках, тихо поскуливал на выдохах, не размыкая ни век, ни губ.

Мы оставили его под присмотром Широно и поднялись в храм, сняв обувь у входа. Я предложил помощь настоятелю, но он отказался: не доверил мне свою котомку, сам внес ее внутрь и занялся приготовлениями. Я хранил почтительное молчание, не желая мешать, но святой Иссэн первым заговорил со мной.

– Вам известно, что значит обряд *сэгаки*²⁰?

Я судорожно вспоминал давнюю науку старика.

– Это ведь «кормление *гаки*», голодных духов? Я верно помню?

– Верно, Рэйдэн-сан.

– Значит, мать Мэморю, ее дух...

– После смерти стал *гаки*? Прочтя ваше послание, я сразу это заподозрил. А сейчас, когда этого беднягу начало корежить уже на ступенях храма – убедился окончательно. Хотя есть ли в мире что-либо окончательное?

Последнюю фразу легко было списать на обычное философствование настоятеля, но по голосу монаха я понял, что оговорка существенна.

– Вам везет на редкие случаи, Рэйдэн-сан, – похоже, старику хотелось выговориться, поделиться своими соображениями с внимательным слушателем. – Не знаю, правда, рады ли вы сами столь сомнительной удаче... Но что есть, то есть.

Продолжая говорить, он извлек из котомки две узкие кипарисовые полочки на низких ножках-поперечинах. Полочки смахивали на подошвы слишком длинных сандалий. Это ж

²⁰ Сэгаки, дословно: «кормить голодных духов» – особая буддистская служба (молитва и обряд), исполняемая для тех, кто, как предполагается, стал «гаки» – голодными духами.

какая ступня должна быть, чтоб такие носить? Впрочем, на подошвах не вырезают строки из молитв. *Сэгаки-дану*, вспомнил я. «Подставки для *гаки*.» Видел похожие в храме на празднике Обон. Следом из котомки явились две простые глиняные чашки, грубые и пористые. За ними – связка ароматических свечей для воскурений.

– Обычно *гаки* не вселяются в людей, а донимают их, так сказать, снаружи. Мне пришлось раскопать весь свой ничтожный архив, чтобы отыскать этот свиток...

Свиток не замедлил явиться, но, как оказалось, не тот, о котором говорил настоятель. Судя по заголовку, искусно выведенному алой тушью, это был текст молитвы.

– Я отыскал запись всего об одном таком случае. Полвека назад в пригороде Киото некий нищий умер от голода на пороге лапшичной. Он просил у хозяина хоть горстку объедков, но хозяин отказал ему. Через несколько дней дух умершего вселился в хозяина – и тот, обуреваемый страшным голодом, все ел и ел, пока едва не скончался от ожорства.

– Позвольте спросить: а другие люди рядом с ним тоже испытывали голод?

– Да, об этом написано в свитке.

– Со мной рядом с Мэмору происходит то же самое! Думаю, не только со мной.

– Вы правы. Я тоже ощутил голод, когда ваш слуга принес этого несчастного.

– И что же, удалось избавиться от того духа, о котором написано в вашем свитке?

– Удалось. Но не сразу.

Настоятель извлек из котомки две некрашенные деревянные коробки: побольше и поменьше. Из большей он наполнил обе принесенные чашки вареным рисом, из другой добавил сверху несколько квашеных слив. После чего поместил чашки на «подставки для *гаки*», уже стоявшие на нижней ступени алтаря.

Я прислушался к своим ощущениям. Нет, голод не стягивал мои кишки в узел, а рот не спешил наполниться слюной. Есть хотелось не больше обычного. Все-таки нас с Мэмору сейчас разделяет приличное расстояние. Или это храм нас защищает?

– Хозяина лапшичной пытались отвести в храм?

– Пытались. Он согласился, но по дороге хотел увильнуть. Когда же его потащили в храм силой, с ним едва справились четверо крепких мужчин. На ступенях храма его начали бить корчи, и он едва не умер. По крайней мере, так пишет дознаватель из Киото. Пришлось отказаться от этой затеи. Но когда тамошний старший дознаватель службы Дракона-и-Карпа провел обряд *сэгаки*, привязав одержимого духом возле храма, где проводился обряд – голодный дух угомонился, насытился и доброй волей покинул хозяина лапшичной.

Я заметно приободрился. Если старший дознаватель из Киото справился – святой Иссэн тем более справится! А я помогу, чем смогу.

Настоятель расставил свечи в курильницы.

– Голодные духи не слишком умны. Зато они имеют редкую и неприятную способность вселяться в живых людей. Может показаться, что *гаки* владеют не одна, а две всепоглощающие страсти: утолить свой ненасытный голод – и отомстить тому, кого они считают своим обидчиком. Но это не так. Голод для *гаки* – не страсть, а наказание, посланное свыше за былые грехи. Голод без возможности удовлетворения – что это, если не наказание? Он мучит *гаки*, а *гаки* от безысходности мучит кого-то другого, на кого дух обращает свой гнев. Поэтому дух, сидящий в Мэмору, и пришел в службу Карпа-и-Дракона заявить о фуккацу. Старая женщина хотела выставить сына-изувера убийцей матери, что, в сущности, недалеко от правды. Хотела унижить, опозорить перед всеми. Получить грамоту о фуккацу она тоже не возражала. Завладей дух грамотой, утвердись в том, что теперь Мэмору – это его мать Котонэ... Это помогло бы духу оскорбленной матери закрепиться в теле сына. Дух полностью завладел бы чужим телом, истязая обидчика еще сильнее. Это вряд ли облегчило бы его собственные мучения, но духу ли задумываться о таком? Все это тоже своего рода голод, и он требует насыщения, хотя и ненасытен...

Я восхищался разумом старика. Из моего доклада монах сделал точные и глубокие выводы. *Гаки*? О них я не вспомнил. А о способности *гаки* вселяться в живых людей и вовсе-то не знал! Грамота, закрепляющая статус духа в чужом теле? Нечто подобное я и сам подозревал. Привет, Йоши из Грязного переулк! Ты ведь тоже хотел грамоту? Криком о ней кричал, день и ночь?

Грамота для духа. Надо запомнить на будущее.

– Но о том, что его могут разоблачить, дух матери не подумал. А когда узнал о наказании, грозящем за обман и сокрытие фуккацу – испугался. Решил, что его в теле сына отправят в ссылку, где он будет голодать. Вы и сами это отметили в записке. Неутолимый голод, Рэйдэн-сан! Для *гаки* это страшнее всего. Вот мать и пошла на попятный, поспешила заявить от лица сына, что никакого фуккацу не было, но просчиталась. Замечу, вы хорошо чувствуете обман.

– Благодарю, Иссэн-сан. Он все время просил еды, даже когда заявил, что никакого фуккацу не было. А еще он ни разу не назвал меня «господином» или «господином дознавателем». Впрямую не грубил, даже извинялся, но ни разу не обратился как подобает! Виноват, я поздно обратил на это внимание...

– Но все-таки обратили. Духи умерших, даже оставаясь здесь, уже не принадлежат к миру живых. Для них не существует господина и слуги, самурая и торговца... Но самое важное, что вы выяснили, Рэйдэн-сан – это то, что поведение Мэмору изменилось не сразу после смерти его матери. Как вы верно заметили в письме, фуккацу не может произойти через десять – или более – дней после смерти. Значит, это не обычное фуккацу, а неупокоенный дух в чужом теле, предположили вы. И ваше предположение полностью подтвердилось.

Святой Иссэн извлек из котомки гладко оструганную и отшлифованную дощечку и принадлежности для письма. Оглядел алтарь. Едва заметно кивнул – сам себе.

– Все готово. Мне нужно только посмертное имя матери Мэмору.

Этого не могло быть. Человеческий слух не обладает такой чуткостью. Но клянусь, я услышал, как над ручьем, привязанный к иве, злобно захихикал вечно голодный разносчик.

2

Вам нельзя лгать

– Мне нет прощения, Иссэн-сан! Я достоин самого сурового наказания! Я забыл написать об этом в послании вам!

– О чем вы забыли написать? О том, что достойны наказания?

– О том, что на могиле Котонэ нет таблички с посмертным именем!

Некоторое время настоятель молчал. С пола я видел лишь его босые ступни, которыми старик мерил пространство храма: четыре шага вправо, неспешный разворот, четыре влево, разворот...

Ступал он бесшумней кошки.

– Да, это осложняет дело... Встаньте же наконец!

В голосе монаха прозвучало – редчайшая редкость! – открытое недовольство. Недоволен святой Иссэн был не моей преступной забывчивостью, а тем, что глупец Рэйдэн распростерся перед ним на полу – вместо того, чтобы вести себя как полагается дознавателю: думать над решением сложившейся ситуации.

Я поспешил подняться.

– Еще раз приношу свои глубочайшие извинения за забывчивость! Можно узнать посмертное имя у Мэмору... Вернее, у самой Котонэ в его теле. Но она может и заупрямиться, не захотеть отвечать...

– Это весьма вероятно.

Чувствовалось, что старик поощряет меня к дальнейшим рассуждениям вслух.

– Главное желание *гаки* – утолить вечный голод, так?

– Так.

– Один раз дух Котонэ уже испугался ссылки. Устрашился голодной смерти в чужом теле! Можно пригрозить ей ссылкой на Остров Девяти Смертей, если откажется отвечать.

– Я уже говорил вам: *гаки* не слишком умны и дальновидны...

У меня возникло смутное подозрение, что поначалу святой Иссэн хотел ответить мне по-другому, но передумал.

– Ссылка когда еще будет, – развил он свою мысль. – Возможно, ее и вовсе удастся избежать. Так наверняка решит *гаки*, Рэйдэн-сан.

Я ощутил себя ребенком, несмышленищем, который на свой вопрос получил самый простой и не вполне верный ответ – зато такой, который ребенок в силах понять. Обидно, да. Что вы хотели сказать мне, Иссэн-сан? Чего не сказали? Или вы хотите, чтоб я дошел до ответа своим умом? Что ж, я постараюсь!

– Чего еще боится голодный дух? – воскликнул я, охвачен возбуждением. – Что может угрожать ему прямо сейчас? Храм! Его корежит и жжет даже на ступенях!

В глазах старого настоятеля мелькнуло разочарование, но я уже не мог остановиться. Мне нужно было довести идею до конца. Впрочем, на ходу я кое-что подправил: возможно, в таком виде она больше придется по душе святому Иссэну.

– Сначала я просто спрошу у Мэморы... у Котонэ ее посмертное имя. Если она не захочет отвечать, я пригрожу ей – только пригрожу! – тем, что мой слуга отволочет ее в храм. Храм рядом, угрозу можно привести в исполнение немедленно. *Гаки* хорошо помнит, что с ним было на ступенях. Уверен, она назовет имя!

Святой Иссэн молчал, продолжая расхаживать взад-вперед. Но вдруг остановился напротив меня:

– Я был несправедлив к вам, Рэйдэн-сан. Несправедлив в своих мыслях. Простите меня за недостаточную чуткость, умоляю вас. Вы ведь не монах, вы дознаватель. Хороший дознаватель, уж поверьте старику. Вы и мыслите, как дознаватель. Ищете кратчайший путь, предлагаете решения. Если смотреть на один шаг вперед – это верные решения. Пригрозить голодному духу? Напугать его? Выбить силой посмертное имя? Скорее всего, у вас получилось бы. Мы с вами выиграли бы битву, но проиграли бы войну.

Он умолк и молчал долго. Я не выдержал первым:

– Молю вас, Иссэн-сан! Просветите скудоумного! Что в моих рассуждениях было ошибкой? Это поможет мне в дальнейшем избегать подобных просчетов!

Казалось, старик только и ждал моей просьбы.

– Вам известно, в чем заключается суть обряда *сэгаки*? Его смысл, назначение?

– Если я ничего не путаю, – я пожал плечами, – обряд, по моему скромному разумению, проводят с целью накормить и утихомирить голодных духов – и отправить их на новое рождение.

– Накормить и утихомирить, – со значением повторил Иссэн. – Отправить на новое рождение. Только вот на новое рождение умиротворенный дух должен отправиться сам, доброй волей. Это не ссылка, Рэйдэн-сан, а новое рождение – не Остров Девяти Смертей. Сила и власть тут бесполезны, а угрозы приносят скверный результат. Духу нужно помочь встать на этот путь – молитвой, приношениями, ласковым словом, утешением, заботой о нем. Помочь, но не заставить. Как вы сами думаете, поможет ли духу успокоиться и вернуться в естественный круг рождений и смертей угроза боли и наказания?

Уши мои вспыхнули двумя фонарями.

– Нет, Иссэн-сан. Скорее, наоборот. Простите мне мою бестолковость!

– В другой ситуации ваше решение могло бы оказаться верным. Но не в случае с голодным духом, захватившим чужое тело. Обряд кормления должен хотя бы на время унять неиз-

бывный голод *гаки*, укротить его злость, напомнить духу обо всем хорошем, что было в его человеческой жизни, о добрых делах и счастливых мгновениях... Надо, чтобы *гаки* отверг свою природу и захотел возродиться в человеческом теле.

– Вам известны добрые дела старой Котонэ?! Когда и с кем она была счастлива?!

С меня в этот момент можно было писать картину: «Дознаватель Рэиден делает треугольные глаза». Толковый художник озолотился бы!

Настоятель едва заметно улыбнулся.

– Вы преувеличиваете мою осведомленность. Я ничего не знаю о жизни Котонэ – кроме того, что вы сообщили мне в письме. Но у любого человека есть в жизни радостные эпизоды. У нее ведь были родители? Она же не сиротой росла? У нее есть дети – по меньшей мере, сын. Был муж. А значит, был родной дом, детство, свадьба, рождение детей... Даже если в чем-то я ошибусь, большая часть этих воспоминаний позволит духу Котонэ вернуться в радость и свет ее прошлого. Надеюсь, вкупе с искренней молитвой и приношениями это подтолкнет Котонэ покинуть тело сына – сначала чтобы вкусить подношений, а затем вернуться на круг перерождений. Но для этого нам нужно ее посмертное имя. Без него обряд будет неполным.

Я понурился. И как же мне узнать ее посмертное имя, если угрозы недопустимы?

– Вероятно, мне стоит проявить к ней сочувствие?

Настоятель кивнул.

– Для начала дам ей чего-нибудь поесть, – развивал я мысль. – Прямо сейчас. Пообещаю позже накормить ее досыта, а затем – освободить. Заверю, что никакого наказания не будет. А взамен ей нужно всего-то назвать свое посмертное имя.

Эх, угрозами было бы куда проще! Вслух я этого, разумеется, не сказал.

– Теперь вы на правильном пути, Рэиден-сан, – настоятель тронул меня за плечо. – Но запомните: вам нельзя лгать. Не обещайте ничего, чего вы не собираетесь или не сможете исполнить.

– Я понял, Иссэн-сан! У вас остался рис? А сливы?

3

«Клянусь честью самурая!»

– Дайте! Дайте мне! Скорее!

Пленник мигом пришел в себя, едва до него донесся запах вареного риса, приправленного малой толикой водорослей. За дюжину шагов учуял! Это все *гаки*. Голодный дух еду за десять ри²¹ унюхает. На сей раз Мэмору очнулся целиком: и духом, и телом, так сказать – телом Мэмору и духом Котонэ. Первородный дух самого Мэмору *гаки*, похоже, затолкал куда поглубже и наружу не пускал. Это у него получалось куда лучше, чем в свое время у Йоши: когда упрямый мальчишка захватил тело жирного монаха, дух Нобу все же иногда брал верх, хоть и ненадолго.

А если б *гаки* еще и грамоту о фуккацу получил, как хотел...

Мэмору, конечно, мерзавец еще тот – родную мать голодом морить! Но я ему не судья. А вот *гаки* – это уже по нашей части. Духам мертвых, голодные они или сытые, не место среди живых.

Особенно – внутри живых.

– Дайте! Дайте!

Он забился, задергался в путах птиц, угодившей в силки. На миг мне почудилось, что крепкая веревка сейчас не выдержит: лопнет с громовым победным треском, а *гаки*, обезумев от голода, бросится на меня. Хорошо, если ограничится только рисом, который я ему несу!

²¹ Ри – мера расстояния, 3927 м.

«...с ним едва справились четверо крепких мужчин...»

«Съест ведь! Живьем съест и косточки обглодает!»

– Успокойся.

– Дайте! Скорее!

– Это я тебе несу. Тебе.

– Да! Мне!

– Тебе. Никому другому.

– Больше никому! Мне!

– Не дергайся. Рис рассыплешь.

Я присел перед ним на корточки. На удивление, разносчик сразу уgomонился. Ну, да, просыпать, зря растратить возжеленную еду – что может быть хуже? От идеи кормить связанного при помощи палочек я отказался сразу. К счастью, в бездонной котомке святого Иссэна сыскалась плоская деревянная лопаточка. Уж не знаю, для чего она была нужна настоятелю, но для кормления *гаки* подошла отлично.

«Кормление голодных духов? – мимоходом пришло в голову. – Если так, обряд уже начался. Вот, кормлю.»

– Знаю, знаю, – приговаривал я, отправляя в ненасытный рот одержимого очередную порцию. – Есть очень хочется. Голод мучит. Вот, подкрепись, я ж не зверь, я понимаю...

Еще б я не понимал! Сам бы сейчас от риса не отказался. И от слив. Что дали, то бы и слопал.

Мэмуру ел жадно, давясь и поспешно сглатывая. Как бы настоятельскую лопаточку не сгрыз! Кадык на горле одержимого дергался так, словно вознамерился прорвать тонкую кожу. Я и оглянуться не успел, как рис закончился.

– Еще! Еще еды!

Хоть бы поблагодарил для приличия. Ну да, дождешься от *гаки* благодарности!

– Будет, будет еще.

– Когда?!

– Скоро. Совсем скоро.

– Скорей!

– Ты только скажи мне посмертное имя Котонэ – и получишь еще.

– Имя? Какое имя?!

– Посмертное имя твоей матушки Котонэ.

– Котонэ? Так я и есть Котонэ! Давайте еду!

Дух забылся? Выдал себя? Понял, что разоблачен, и перестал притворяться?

– Нет, ты скажи мне посмертное имя. Посмертное!

Одержимый задумался. Взгляд его забегал по сторонам, словно ища подсказку. На меня *гаки* старательно не смотрел. Дождь шелестел и постукивал по его шляпе и зонту, который держал надо мной Широно, навевая сонливость. Вот только заснуть мне сейчас не хватало!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.